

ISSN 0131-6656

СМОЛНА

ИДЕИ ВЛАДИСЛАВА СТЕПЕН ГЕЛЕНС • ЛЮБОВЬ, КОТОРУЮ ТЫ ОТДАЕШЬ

ДАНИИЛ МОРДОВЦЕВ • ВАНЬКА КАИН • ВЛАСТИМИЛ ШУБЕРТ • НОМЕР С ВАННОЙ

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

4'93

«УДАЧИ ТЕБЕ, СЫЩИК!»

HOTEL POKLADK

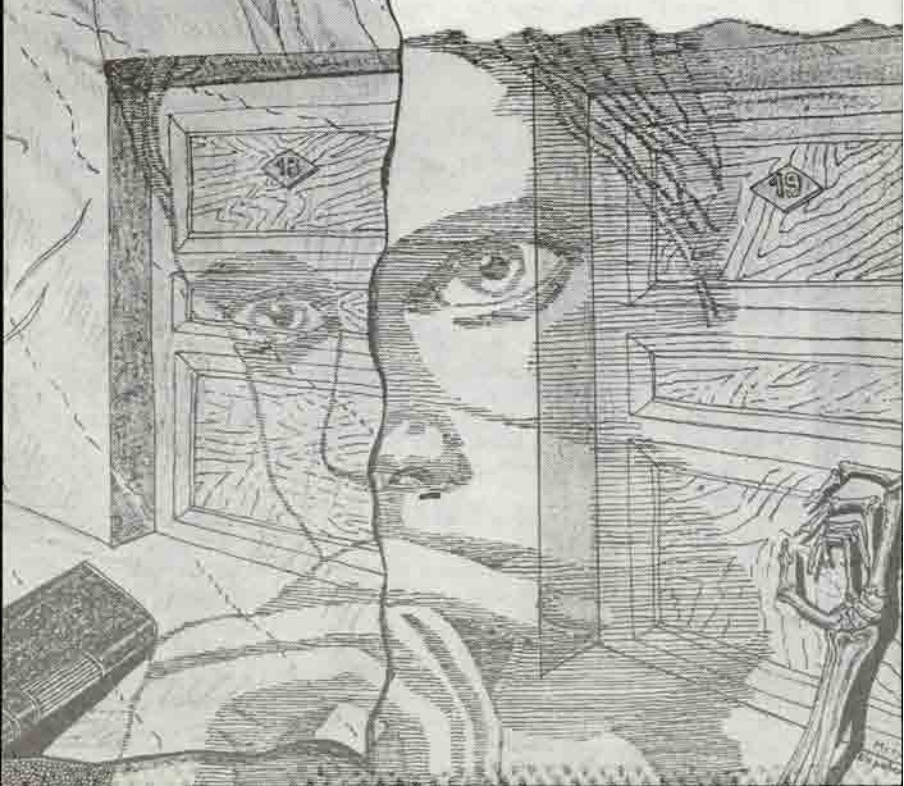
ВЛАСТИМИЛ ШУБРТ

НОМЕР

ВАШНОЙ

Рисунки МСТИСЛАВА БОРОВСКИХ

Я подошел к конторке дежурного администратора и спросил у мужчины в темно-голубом костюме с позолоченными пуговицами:

— Нельзя ли поговорить с паном заведующим?

— С паном управляющим, — деликатно уточнил он и осведомился: — А по какому вопросу, уважаемый?

— Мы забронировали два одноместных номера.

— Не будете ли так любезны сообщить, на какое имя? — все так же вежливо поинтересовался мужчина, окидывая меня с головы до ног оценивающим взглядом.

— Кабеш, — представился я.

Администратор слегка прищурился, наклонился над толстой книгой и стал аккуратно ее перелистывать. Вид у него был безразличный, и это окончательно выбило меня из колеи. Я оглянулся на свою спутницу, устроившуюся в глубоком кресле неподалеку, и беспомощно пожал плечами. Она встала и тоже подошла к конторке.

— В чем дело? Какие-то осложнения? Номера я заказала по телефону на прошлой неделе. У пани Богачковой. Она обещала, что вы их обязательно забронироваете.

— Два одноместных номера... На сегодня... На имя Крамперовой?

— Верно! — подтвердила девушка и повернулась ко мне. — Извини, я забыла тебе сказать, что сделала заказ на свое имя. Дело в том, что я разговаривала с супругой пана управляющего. Мы немного знакомы.

Администратор тем временем взял ручку и принялся легонько постукивать по стеклу, прикрывающему конторку. Вежливое безразличие исчезло, он нахмурился, пару раз покрутил головой, почесал подбородок и решительно заявил:

— Очень сожалею, но свободных одноместных номеров у нас нет.

Слева от меня щелкнул патентованный замок женской сумочки, чуть погодя я ощутил в ладони какую-то бумажку, а немного выше локтя крепкое пожатие пальцев. Я положил бумажку на стол. Это оказалась... четвертная.

Дежурный мигом убрал ее и продолжал:

— Одноместные номера... Это всегда проблема, большая проблема... Но мы сделаем вот что. Пана Кабеша я поселю с паном доктором Баудышом, а барышню Крамперову — с его невестой. Апартаменты с двухместными комнатами, с общей прихожей и ванной.

Не успел я возмущенно заявить, что никакие доктора мне в номере не нужны, а в ванной я спать не собираюсь, как мужчина в отутюженной куртке с морскими пуговицами положил передо мною ключ с резиновой грушей, потребовал удостоверение личности и добавил:

— Пан доктор Баудыш тоже просил два одноместных номера. Он поселился у нас около часа назад.

— Спасибо, вы очень добры... — произнесла барышня Крампе-

рова, завлекательно встряхнула своей тициановской шевелюрой и одарила пана администратора ослепительной улыбкой. До меня наконец дошло, что пан доктор Баудыш будет как бы в одной комнате со мной, а наши дамы — тоже как бы вместе, так что в регистрационной книге все будет в полном порядке.

2

Доктору Баудышу было на вид около сорока пяти, он походил на киноактера, который, чувствуя, как прибавляются годы и убавляются волосы, все чаще задумывался о последней большой роли героя-любовника. Он носил белые фланелевые брюки в серую полоску, ярко-зеленую рубашку и курил трубку, набитую голландским табаком. Мы встретились на балконе, который, как и прихожая с ванной, был общим для наших комнат, уважительно названных администратором «апартаментами».

Нам предстояло пробыть здесь десять дней, состоящих из одного отгула, субботы, воскресенья и недели очередного отпуска работающей женщины. Сведения, которые я получил от своей спутницы, были точны: чудесный «отелик» в самом лесу, люксовая обстановка, великолепный пруд и песчаный пляж, — словом, красотища.

Я смотрел на зеленовато-голубую гладь огромного пруда, на золотисто-желтый пляж с десятками подстилок, лежаков, пестрых зонтиков и соответствующим количеством более или менее загорелых тел и в душе проклинал то роковое мгновение, когда на одном из чистых конвертов с приглашением на торжество по случаю получения мною диплома написал имя барышни Крамперовой и почти забытый, неизвестно как сохранившийся в памяти адрес. Я немного перестарался, заказав полсотни таких приглашений, и уже после тридцатого отчаянно ломал голову, кому бы еще их послать, и прикидывал, не обрадовать ли своим успехом министра образования или бургомистра стольного города Праги. Вдруг я вспомнил про барышню К., тут же черкнул адрес и через пять минут позабыл об этом.

А потом было торжественное вручение дипломов, в ушах у меня звучали величественные звуки органа и еще более величественные слова напутствий, в вестибюле актового зала пражской Каролины¹ царил веселая толчея, раздавались и принимались поздравления, обливались слезами от радости: вот тут-то я и увидел ее. Она держалась в сторонке, вызывающе яркая, завлекательная, в элегантном костюмчике и модельных туфельках, в руке — букет гвоздик, на губах — смущенная улыбка, и я, точно дунатик, оторвался от кучки своих друзей и родичей и через секунду уже держал ее за руку, не отрываясь, смотрел в ее большие серо-зеленые глаза и слушал тихий, глуховатый голос.

— Я пришла тебя поздравить, Гонза. Ты не сердись?

Покрутив головой и произнеся: «Мирка, ты все хорошеешь»

¹Карлов университет в Праге. (Здесь и далее — примечания переводчика.)

и хорошеешь», я взял букет и, не долго думая, наклонился и поцеловал ее прямо в губы. Тут нас обступили родичи, мама вытирала мокрые глаза, младший братишка глуповато ухмылялся и бесстыдно разглядывал Миркины ноги, а отец крепко обхватил ее за плечи и фамильярно признался:

— Вот ведь паршивец! Представьте себе, он даже словом о вас не обмолвился...

В дальнейший ход событий я не вмешивался. Только когда во время торжественного ужина в ресторане «У пеликана» на столе появилась четвертая бутылка «рислинга», когда мама доверительно сообщила Мирке, что до восьми лет я почти не выговаривал «к», отец раскурил настоящую «гавану», а брат откровенно заскучал, я впервые отважился представить себе, как изменились бы лица моих близких, если бы они вдруг узнали, при каких обстоятельствах я познакомился с этой милой, привлекательной, но скромной и сдержанной дамой с великолепными манерами и интеллигентной речью...

И вот теперь в двух шагах от меня она разгружала свой объемистый чемодан, деловито расхаживая по комнате, вешая на плечики свои платья, юбки и блузки и складывая весь свой гардероб, которого не постыдилась бы и кинозвезда, в светлый и просторный встроенный шкаф.

Я закурил сигарету, и как раз в этот момент позади скрипнула дверь, кто-то произнес: «Добрый день». Обернувшись, я увидел перед собой мужчину в полосатых брюках и зеленой рубашке. Не успел я ответить на приветствие, как он продолжил:

— Видимо, пару дней будем с вами соседями. Разрешите представиться — доктор Баудыш.

— Очень рад, меня зовут Кабеш.

Доктор благожелательно улыбнулся и заметил:

— Де-юре мы с вами живем вместе, пан Кабеш.

Я кивнул и, не желая говорить о погоде, ляпнул:

— Отчего бы нам, женихам, и не пожить вместе?

Доктор немного смутился и принялся объяснять, что очень сожалеет, если нам помешал, что сам он, как это ни печально, пока еще не оформил развод, так что...

Я великодушно махнул рукой, заверил его, что он нам нисколько не мешает, а потом дошла очередь и до погоды. Мы сошлись на том, что она чудесная, и оба выразили надежду, что она не ухудшится. Доктор рассчитывал пробыть здесь четырнадцать дней, я — немного меньше. Я как раз прикидывал, как отнесется Мирка к сокращению своего отпуска, когда на балкон вышла девушка, которую с полным основанием можно было принять за законную дочь доктора Баудыша. Ей было не больше двадцати двух, этакая кошечка, из тех, ради которых солидные, благополучные папаши готовы бросить семью, — хрупкая, миниатюрная, очень привлекательная. Я окинул ее беглым взглядом, от выкрашенных в красный цвет ногтей на ногах и белой летней мини-юбочки до романтично уложенных светло-каштановых волос, и подумал, сколько же на этом свете красивых женщин.

Она одарила меня светской улыбкой, робкой и нежной, как

черешневый цвет, а доктор завершил обряд знакомства:

— Алиса, позволю представить тебе нашего соседа пана Кабеша... Пан Кабеш — Алиса Гайска.

— Очень рада, — сказала она и подала мне руку таким грациозным и возвышенным жестом, точно ожидала, что я приложусь к ней губами. Но я ограничился энергичным встряхиванием, да к тому же нарочно стиснул ее лапку чуть покрепче. Она быстро отдернула ее, помахала в воздухе и мигом уцепилась за мужественную руку своего будто сошедшего с экрана доктора.

— Кажется, пора собираться к обеду, Миро, — пискнула она, но не успел доктор что-то сказать в ответ, как с нашей половины апартаментов появилась Мирка. Она тоже переоделась, сменив дорожный костюмчик на эффектное, просвечивающееся насквозь платье.

— Барышня Крамперова, — лаконично представил я.

Доктор прямо-таки переломился в пояснице, а его хрупкая спутница, раздвинув подведенные розовой помадой губы и обнажив ровные перламутровые зубки, радостно защебетала:

— Очень рада с вами познакомиться, барышня Крамперова. Меня зовут Алиса Гайска. Вы знакомы с доктором Баудышом?

— Нет, — коротко ответила Мирка и чуть заметно усмехнулась, как бы намекая, что даме полагается ждать, пока ее представят другие. И уж, во всяком случае, не следует представлять своего спутника.

Доктор Баудыш поторопился загладить неловкость и пригласил нас на обед.

— Вы любезно пошли нам навстречу, пан Кабеш, так что я — ваш должник, — заметил он. — Сегодня вы — наши гости. Будем ждать вас через четверть часа внизу, в ресторане...

— Да, разумеется, — подтвердил я и направился в комнату, чтобы хоть немного ополоснуться и сменить рубашку.

— Послушай, какое одолжение ты успел ему сделать? — зайдя следом за мною, спросила Мирка.

Я пожал плечами.

— Де-юре я живу в одной комнате с ним. Перед отъездом в отпуск у него не хватило времени на развод.

— Ах, вот как! — произнесла Мирка и загадочно улыбнулась.

Я тем временем подсчитывал про себя, сколько денег сегодня сэкономлю.

3

А сэкономил вполне прилично. Обед состоял из аперитива, зернистой икры на закуску, черепашого супа, татарского бифштекса или ростбифа с шампиньонами, пирожных, кофе по-венски и бутылки «бадаксона». Встреча прошла чинно, без шероховатостей. Меня заинтересовало только, что девушка по имени Алиса, несмотря на деликатное телосложение, легко одолела полный комплект съестного, в то время как Мирка отказалась от супа и пирожного, а кофе выпила без сливок. Заботу своей спутницы о сохранении стройной фигуры я, с учетом своего финансового положения, воспринял с одобрением, так же как и тот факт, что

кроме шикарного ресторана, очевидно, относящегося по уровню цен к первой категории, в гостинице «Поклад» существовало и что-то вроде общедоступной столовой, гораздо менее изысканной, но зато более дешевой.

Доктор самоотверженно вел беседу, я время от времени ему поддакивал, зато обе наши дамы, как ни странно, помалкивали. Меня особенно удивляло молчание Мирки, казалось, она чувствует себя не в своей тарелке. Алиса доброжелательно улыбалась, вертела в руках серебряный карандаш и что-то черкала на листке бумаги, Миркино лицо я определил бы как задумчивое и непроницаемое. Когда доктор сосредоточился на расчете, а я внимательно уставился на официанта, с интересом наблюдая за его профессиональными ухватками, клочок бумаги очутился уже в руках у Мирки. Она повертела его, скомкала и бросила в пепельницу. Доктор между тем щедро отказался от сдачи и, когда официант наконец удалился, обратился к нам:

— Надеюсь, вы будете на пляже ближе к вечеру?

Я машинально кивнул, потому что ничего другого, кроме купания, не планировал, но Мирка неожиданно остановила меня.

— Разве что ближе к вечеру, — заявила она. — Сейчас немного отдохнем, а потом пойдем погуляем по лесу.

Доктор Баудыш принял это к сведению, отодвинул стул и встал. Алиса тем временем тщательно давила в пепельнице горящий окурок. Вернее, не столько давила, сколько старалась упорно и целенаправленно уничтожить обгоревший уже клочок бумаги. Наконец доктор предложил ей руку, и мы вчетвером покинули ресторан. Я шел последним, причем «случайно» забыл на столе зажигалку.

— Ах, ты, черт, — пробормотал я. — Извините, я оставил на столе свой огонек.

Доктор засмеялся.

— Ну так поскорее возвращайтесь! В вашем возрасте, дорогой друг, без огонька не прожить!

— Это точно, — согласился я, вернулся к столу, схватил подогретый бумажный шарик и вместе с зажигалкой сунул его в карман пиджака.

Дождавшись, когда Мирка отправилась в ванну, я вынул шарик и разглядел его на колене. Бумага была сильно потерта и кое-где прожжена, но мне все же удалось прочесть две фразы, написанные прямым женским почерком: «Мируш надеюсь ты не крыса я тоже тебя не выдам».

4

Во второй половине дня мы вышли прогуляться. В лесу было чудесно: мир, покой и тишина. Побродив около часа, мы уселись наконец на поросшей густой травой поляне, укрытой от нескромных взглядов с одной стороны молодыми елочками, а со всех остальных — кустами малины и ежевики. Я положил голову Мирке на колени, обхватил правой рукой ее ноги и закрыл глаза. Она легонько прикоснулась к моим волосам и взъерошила их.

Я втянул в ноздри запах ее духов, смешанный с запахом вереска, хвои и еще чего-то, что не сразу сумел определить, и только потом осознал, что так, дразняще и возбуждающе, побеждая даже благоухание изысканных духов, пахнет Миркино тело.левой рукой я обнял ее за шею и притянул вплотную к себе, надеясь, что в награду за такую смелость она поцелует меня, но Мирка только прислонилась подбородком к моему лбу. Я открыл глаза. Она рассеянно смотрела куда-то вдаль.

— В чем дело? — прошептал я. — Что-нибудь случилось?

— Нет, просто я немного устала. Ты недоволен, что мы не пошли купаться?

— Нет, с какой стати? Здесь тоже хорошо.

— А мне хорошо там, где ты, — выпалила она. — Как бы я хотела быть с тобой рядом! Только с тобой, понимаешь?

Вместо ответа я улыбнулся.

— Конечно, я болтаю чушь, но... каждый человек имеет право на хотя бы одно большое, пусть даже несбыточное желание.

— Не вижу в твоём желании ничего несбыточного.

— Все тут несбыточное. — Мирка принужденно улыбнулась, обхватила ладонями мою голову и наконец-то поцеловала меня. — Я совершила большую глупость, когда пошла на твой выпуск. Надо было отправить поздравление, и все. Вот только... Я должна была тебя увидеть на минутку. Только увидеть, ей-Богу. А потом собиралась удрать...

Я не дал ей договорить.

— И хорошо, что не удрала. Кому бы я тогда положил голову на колени?

— Если ты сейчас меня прогонишь, молча уйду, и ты обо мне больше никогда в жизни не услышишь. Но если сумеешь, Гонза, потерпи немного, хотя бы недельку. Очень тебя прошу...

Две вещи пришли мне в голову одновременно: что с учетом расценок в гостинице «Поклад» и моих финансовых возможностей нам придется уносить ноги гораздо раньше и что Мирка становится опасно сентиментальной. Вслух я произнес:

— Будь так добра, не расстраивайся заранее. Лучше скажи, как тебе нравятся наши соседи. Пан доктор и его красотулька.

Такой поворот застал ее врасплох. Она только заморгала и недоуменно передернула плечами.

— Меня интересует твое впечатление, — не унимался я. — Очень интересует.

— Ну, что я могу сказать? Ничего определенного. Доктор, на мой вкус, староват, да к тому же, кажется, и сноб. А барышня бойка, очень миленькая девчонка.

Я понял, что больше ничего об Алисе она говорить не станет. Врать ей не хотелось, но и признаваться в знакомстве тоже. Впрочем, мне и так все стало ясно. Алиса, как видно, «бывалая тузексовка»¹, а влюбленный доктор даже понятия об этом не имеет. Отсюда и комедия на балконе, когда Алиса поторопилась представить своего спутника, и сдержанное «выканье», и глухое

¹ «Тузексовка» — чехословацкий аналог нашей «интердевочки». (От «Тузекс» — сеть валютных и боновых магазинов типа нашей «Березки».)

молчание во время обеда, и, наконец, торопливо нацарапанная и совершенно недвусмысленная записка без знаков препинания. И все же, что затевает Мирка, отчего она темнит? Ведь в отличие от Баудыша я все знаю...

5

В гостиницу мы вернулись около пяти, я отправился на пруд, чтобы искупаться, а Мирка решила вздремнуть. Часов в семь я собирался ее разбудить, чтобы вместе пойти поужинать.

Вода была отличная, чистая и теплая, я перешел пруд туда и обратно, метров семьсот, не меньше, а потом растянулся на песке, под еще горячими лучами солнца, и углубился в не слишком радостный пересмотр своего финансового положения.

Вечером придется сообщить Мирке, что у меня с собою всего лишь несколько сотен — для студента огромная сумма, но для гостя международного отеля «Поклад» суцая мелочишка, — так что не позднее понедельника надо отсюда уезжать. Это, так сказать, оптимальное решение. Самое разумное — считать нашу поездку ни к чему не обязывающим эпилогом студенческого житья...

Из задумчивости меня вывел мужской голос. Его обладатель старался говорить тихо, но то и дело забывался.

— Я тебя не понимаю, Власта, — услышал я. — И ты не постесняешься иметь дело с таким мерзавцем?

— Не сердись, Петр, — устало откликнулся женский голос. Дальше мне удалось схватить лишь обрывки слов, не имеющие никакого смысла, так как женщина говорила гораздо тише, чем ее рассерженный собеседник.

Я незаметно покосился в ту сторону, откуда долетали голоса. Власта и Петр сидели в двух шагах от меня, оба в купальных костюмах, оба лет тридцати пяти.

— Если я тебя правильно понял, мне надо пойти за ним, а ты тем временем поговоришь с той стервой.

Женщина слегка кивнула и растянулась на оранжевом купальном халате.

— Пойми, что это унижение, — проговорил мужчина, но Власта схватила его за руку и что-то забормотала. Как я ни напрягал слух, смог уловить только несколько бессвязных слов:

— Ну, пожалуйста... Я готова... За любую цену... а Мирек...

Петр ответил, что умнее всего набить дорогому зятю морду и что он-таки это сделает. Потом улегся на песке и замолчал.

Я рассмеялся про себя. Едва ли можно было сомневаться, о какой стерве и каком Миреке идет речь и за что ему следует набить морду. Рядом со мной, несомненно, обсуждали свои планы жена доктора Баудыша и ее брат. Кстати, они были очень похожи. Типичные южане: черноволосые, с темно-кариими глазами, густыми бровями и резкими чертами лица. У меня мелькнула мысль, что вскорости моего соседа ожидают крупные неприятности.

Когда через час я вернулся в гостиницу, Мирки в комнате не оказалось. Я выглянул на балкон, там ее тоже не было. Потом сообразил, что еще в прихожей услышал шум воды в ванной, и почти тут же объявилась Мирка в купальном халате. Она улыбнулась и пошлепала меня по щеке.

— Наплавался?

— Отлично! — ответил я. — А как ты? Отоспалась?

— Люкс! Пойдем сегодня танцевать? Если ты не очень проголодался, там же перехватим чего-нибудь, они открывают в двадцать ноль-ноль.

Я посмотрел на часы. Было без двух минут семь.

— От голода, конечно, не умру, но...

— Но? — подхватила она.

— Садись-ка, — попросил я и кивнул на кресла у курительного столика в углу комнаты. — Надо кое о чем поговорить. Буду краток. Имей в виду: самое позднее в понедельник собираем чемоданы и едем домой.

— Да ты что! — выкрикнула Мирка. — Тебе здесь не нравится?

— Да нет, здесь великолепно. Но, к сожалению, не по моему карману. Ты ведь что говорила? Загородный отелик, лес, вода и покой. Ну, я, дурак, и представлял себе хижину с соломенной крышей, толстого управляющего и его еще более толстую жену в качестве прислуги и кухарки. А тут гостиница категории «А», номер с ванной, кафе, ресторан, цены по высшему разряду. Так что все очень просто: по моим подсчетам, в воскресенье вечером я терплю финансовый крах.

Мирка облегченно рассмеялась.

— А другого повода для отъезда у тебя нет?

— Нет. Допускаю, что тебе это кажется слишком низким и жалким, но факт остается фактом.

— Хорошенько послушай меня, Гонза. Я не вчера родилась и прекрасно знаю, что ты только неделю назад получил диплом. И если память мне не изменяет, — в глазах у нее заиграли огоньки, — ты поклялся однажды, что на спортлото не потратишь больше ни единой кроны.

Я ухмыльнулся.

— Ну и память у тебя!

— Память как память. Но почти все наши разговоры с тобой могла бы тебе сейчас повторить слово в слово.

Мы помолчали, глядя друг на друга. Потом заговорил я:

— Вот и прекрасно, Мирка, значит, ты знаешь один мой маленький недостаток. Пойми, я не могу жить у тебя на содержании.

— Ну так имей в виду, мой милый, — заявила она, — что все деньги, которые я взяла с собой, заработаны честным трудом, и, ей-Богу, я не знаю лучшего способа их истратить... — Она прижалась ко мне и поцеловала в щеку. Потом отстранилась и направилась к шкафу. — Посоветуй-ка лучше, что сегодня вечером надеть...

Я выбрал светло-зеленое платье для коктейль-партни.

В кафе меня подстерегала новая неожиданность. Мы должны были провести вечер не одни, а в обществе управляющего гостиницей Богачека и его супруги. Пани Гана Богачкова, элегантная дама лет двадцати семи в броском серебристом одеянии, была знакомой или даже дальней родственницей Мирки, и только благодаря ее помощи нам удалось устроиться в «Покладе» в самый разгар сезона. Карлу Богачеку я бы дал около сорока, Мирка позднее просветила меня, что они с Ганой поженились меньше года назад. Короче говоря, молодожены, — что в общем-то сразу было заметно. В основном по его поведению. Он то и дело брал свою подругу за руку, потом вдруг по-хозяйски клал ей ладонь на бедро, обнимал за плечи, а она строила ему глазки... Словом, и так все ясно.

— Ревнивец ужасный, — сообщила мне Мирка, когда мы в первый раз отправились потанцевать. — Стоит ей только на кого-то посмотреть, как он тут же устраивает скандал. Понимаешь, он женат во второй раз. Первая жена ему изменяла, так что это неудивительно.

— Да уж, от женщин ничего хорошего ожидать не приходится, — засмеялся я.

Мирка щелкнула меня пальцем по носу и с притворной строгостью заявила:

— Не хулигань!

Часам к девяти в кафе собралось уже довольно много народу. Помещение было не очень большое, наверное, столиков на пятнадцать, причем у каждого столика стояло по шесть удобных кресел. Посредине — квадратная танцплощадка, в одном углу — со вкусом оборудованный бар с ярко раскрашенной белокурой барменшей, в другом — эстрада, где сидели четыре музыканта, обычная для забегаловок шарашка, которая по первому требованию преподнесет вам все что угодно, на любой вкус.

Мирка что-то еще выкладывала про пани Гану, но тут танцевальная серия закончилась, и мы направились к своему столику. Я отодвинул кресло и огляделся, разыскивая Богачковых, которые остановились в дальнем углу танцплощадки. В этот момент кто-то тронул меня за локоть. Разумеется, это был доктор Баудыш, а рядом с ним воздушная Алиса. Я обратил внимание на изящный светло-серый костюм доктора, потом взглянул на сверкающий наряд Алисы, и мне бросились в глаза сразу три вещи: лаковые туфельки, кожаная сумочка и — волосы. Все это, как ни странно, было черное. Выпил я к тому времени всего ничего — каких-то две рюмочки «бикавера», так что оснований не верить своим глазам у меня не было, тем не менее в обед волосы у нее были гладко причесанные и светло-каштановые, а сейчас — сплошь в локонах и черные, как вороново крыло. Когда они посаживались к нашему столу, вернулись Богачковы, и мне ничего не оставалось, как представить обе пары друг другу.

— Пан доктор Баудыш и барышня Алиса — наши соседи, — пояснил я. — Де-юре мы с паном доктором живем вместе. А де-факто — только в регистрационной книге.

Управляющий пожал плечами.

— Инструкция есть инструкция.

Вид у него был не слишком довольный, как и у его спутницы. Пани Богачкова окинула доктора безразличным взглядом, на Алису же посмотрела откровенно неприязненно. Возможно, из-за парика, который был сейчас в моде и которого у нее пока еще не было.

Алиса протянула ей руку и произнесла свое неперемное: «Рада с вами познакомиться». Гана руку взяла, покровительственно кивнула, неопределенно усмехнулась и ничего не ответила. Пока доктор договаривался с официантом насчет напитков, я незаметно взглянул на Мирку. Вид у нее был непроницаемый, она теребила в руках только что снятые длинные черные перчатки, как бы давая понять, что все окружающее мало ее занимает, но присутствие бывшей «сослуживицы» явно испортило ей настроение.

Чтобы сгладить неловкость, я спросил Богачека, много ли народу здесь бывает зимой.

— У нас тут круглый год хватает работы. Только кончается летний сезон, как начинаются всякие курсы, семинары и тому подобные мероприятия, здесь же встречаются и обмывают сделки с зарубежными партнерами, в ноябре, например, состоялся международный математический симпозиум.

Примерно через час управляющего вызвали к дежурному, это заметно расстроило его супругу, которая последовала за ним с ультимативным заявлением: если он собирается «управлять», то она отправится в постель. Баудыш принялся развивать какую-то теорию о вечном конфликте личного и общественного, и я поторопился пригласить на танец Алису, оставив Мирку ему на растерзание. Доктор повел себя как джентльмен и пригласил ее к бару. Я наблюдал, как он галантно помогает Мирке сесть на высокую табуретку. Вдруг его лицо окаменело, а в глазах появились гнев и удивление. Он выглядел ошарашенным и растерянным. Вряд ли Мирка получит свою водку, улыбнулся я, заметив у входа в кафе то, что так ошеломило Баудыша. Разумеется, Петра и Власту. Петр выглядел, точно благородный мститель Зорро, сестра что-то ему говорила, потом их взоры обратились в нашу сторону. Не помню, чтобы когда-нибудь еще на меня обрушивалось столько откровенной ненависти, две пары черных глаз буквально пронзали Алису насквозь: Петр где-то в области мозжечка, Власта — приблизительно между пятым и шестым позвонками. Я плавно развернулся, чтобы поставить свою партнершу лицом к новоприбывшим и одновременно проверить, знает ли она родичей доктора. Знала. По крайней мере одного из них. В следующую секунду вдруг зашаталась, как после сильного удара, побелела, простите за штамп, как стена, и почти что припала к моей груди, пытаюсь спрятаться за мною. Я сделал еще пол-оборота и повернул ее к входу профилем. Под таким углом она наверняка выглядела весьма даже привлекательно, но Власте и Петру явно недоставало объективности, их взгляды стали, если это возможно, еще более грозными. Между тем Алиса украдкой взглянула на своего возлюбленного. Водку он все-таки

заказал, лица его я видеть не мог, но даже на затылке легко читались страх и растерянность.

Наконец Петр ринулся в атаку. Мимо площадки прямо к бару. Власта же повернулась и вышла из кафе. Наверное, не выносит драк, подумал я и невозмутимо обратился к Алисе:

— Здесь чудесно, не правда ли?

Она кивнула.

— Да, конечно. Хотя...

Ее заклинило, как испорченную «молнию».

— Хотя? — повторил я заботливо.

— Знаете, что-то мне стало нехорошо. Тут такая духота...

И накурено.

Сидя за столиком, она сама курила одну сигарету за другой, насчет духоты тоже было сильно преувеличено. Широкий выход на террасу был открыт настежь, и в кафе задувал свежий ветерок, несущий ароматы июльской ночи и влажный холодок близкого пруда.

Тем не менее я согласился:

— Да, пожалуй.

Она подняла на меня свои незабудковые глазки:

— Будьте так добры... Я оставила на столе сумочку. Мне надо выйти.

— Да, да, конечно, — галантно произнес я и, обходя танцующие пары, провел ее к столику. В это время черноволосый и чернобровый Петр остановился за спиной Баудыша, который как бы случайно повернулся к нему.

Алиса взяла со стола сумочку, мигом ее открыла, сунула туда руку, снова закрыла и кинула взгляд в сторону бара. Ее любовник как раз доставал из внутреннего кармана кошелек и что-то пояснял Мирке. Тут же я заметил и Гану Богачкову. Она болтала с барменшей и смотрела в нашу сторону. Наши взгляды встретились, и она чуть заметно улыбнулась.

— Вы меня проводите, пан Кабеш? — жалобно спросила Алиса.

— Ну, конечно, — успокоил я ее. — Выйдем на свежий воздух?

— Да, — пролепетала она и взяла меня под руку. — Если вас не затрудит...

Она благодарно жала мне локоть, и мы направились к выходу.

Вот сейчас мы и познакомимся с пани Властой, мелькнуло у меня в голове, когда я отворял дверь, соединяющую кафе с вестибюлем. Но опасения оказались напрасными. Законную соперницу Алисы заметить я, правда, успел, но в безопасном отдалении от маршрута нашего побега. Она сидела в кресле возле конторки дежурного и нас даже не заметила.

Посередине вестибюля я повернул к выходу, но Алиса шепнула:

— Пожалуйста, не туда... Прямо...

Что ж, я двинулся к лестнице, ведущей в гостиничные номера.

— Немного отдышись в комнате или на балконе, — пояснила моя спутница.

Вслух я не произнес ни слова, но мысленно посоветовал: «Главное — запись как следует, крошка, а не то еще случайно покалечишься...» По мраморным ступеням, покрытым красной

плюшевой дорожкой, мы направились к нашим апартаментам с общими прихожей, ванной и балконом.

— Пан доктор, наверное, будет вас искать, — заметил я, хотя сам этому не особенно верил.

— Правда, — кивнула она. — Вряд ли я вернусь. Уже поздно, передайте ему, пожалуйста, что я жду его наверху.

— Передам, — пообещал я.

Мы подошли к двери с номером 19, и Алиса полезла в сумочку за ключом. Сунула его в замок, потом подала мне ладошку. Я коротко и осторожно пожал ее, однако Алиса удержала мою руку и тихо попросила:

— Пожалуйста, о том, что я ушла, скажите Миро по секрету. Так неудобно портить компанию... Но мне в самом деле плохо...

— Никто ничего не заметит, — пообещал я. Она выдернула из моей ладони свою хрупкую лапку, одарила любезной улыбкой и еле слышно добавила:

— Пускай постучит негромко три раза, ладно?

Я кивнул, и она скрылась за дверью нашего общего номера. Замок изнутри щелкнул раньше, чем я успел повернуться и отправиться в обратную дорогу.

В кафе никого из нашей компании не оказалось. Я поглядел на часы. До полуночи оставалось еще двадцать пять минут. Мужчины по имени Петр поблизости не замечалось, пани Баудышова сидела на прежнем месте, в кресле возле конторки.

Я закурил сигарету, устроился за столом и налил себе рюмку. Так, в одиночестве, я провел минут двадцать, а может, и полчаса; во всяком случае, успел выкурить две сигареты.

Первой вернулась Мирка.

— Где ты была? — спросил я, едва она уселась рядом.

— Немного прогулялась. А ты? Я везде тебя высматривала, а ты как сквозь землю провалился. Да еще с барышней Алисой. Надеюсь, не станешь отпираться.

Я завертел головой и, словно бы не поняв намека, произнес:

— Нет, конечно, с какой стати? А по-твоему, надо?

От неожиданности она растерялась. Подыскивая подходящий ответ, пригубила вина и, стараясь говорить шутливым тоном, заметила:

— А вдруг она стала бы тебя соблазнять?

— Послушай, — прервал я ее, — давай-ка поговорим серьезно. Боюсь, что пока Алиса не встретила Баудыша, то толком и не знала, для чего существуют мужчины. Этакая невинная душа...

Мирка исподлобья взглянула на меня и произнесла:

— А потом вдруг проснулась, да?

— Типичная дурочка, — продолжал я. — Баловница из так называемой хорошей семьи. Если бы матушка пронюхала, что ее деточка отправилась отдыхать с женатым мужчиной, ее бы точно хватил кондрашка.

— Эх, ты, знаток женской души! — уже не скрывая иронии, отозвалась Мирка. Но тут же посерьезнела и рассеянно погладила мне руку: — Прости, я выпила две рюмки водки и болтаю чепуху.

Я пожал плечами.

— А я и не утверждаю, что разбираюсь в женщинах. Я просто проводил ее наверх. Ей стало плохо, и она попросила послать к ней Миро. Куда он, кстати, подевался?

— От бара его отозвал какой-то мужчина.

— Отозвал? А зачем?

— Хотел с ним поговорить. Они вместе вышли туда.— Она показала в сторону террасы.

Неужели все-таки дело дошло до кулаков, да еще в темноте и без свидетелей? Бедный доктор! Туговато ему придется. Ну что ж, получит, что заслужил, всем Ромео всегда доставалось на орехи.

— Пойдешь танцевать? — спросил я у Мирки.

— С удовольствием,— ответила она и встала. Мы присоединились к танцующим парам.

Между тем к нашему столу вернулась пани Гана. Она опустилась в кресло и закурила сигарету. Подчеркнуто вызывающе, словно хотела продемонстрировать, что красит ногти исключительно французским лаком.

— Куда пропал твой муж? — спросила ее Мирка.

— Понятия не имею,— ответила она и сердито изогнула брови.— Я раздумала идти за ним. Понимаешь, я себя знаю, со злости ляпнула бы что-нибудь такое, чего сама бы потом стыдилась, так что решила вернуться в кафе. Уже у бара заметила, что ухитрилась порвать чулки, и поехала заменить их.

— Поехала? — непонимающе переспросил я.

— На лифте,— улыбнулась она.— Мы живем на пятом этаже... А куда подевались Алиса и доктор?

— Пан доктор принимает гостей, а барышня Гайска отправилась баиньки,— ответил я.— Что-то ей стало плохо. От духоты и табачного дыма.

— Да, молодежь пошла хлипкая,— констатировала пани Гана, стряхнула пепел и с досадой произнесла: — О господи, куда же подевался мой супруг? Все дела, дела, без сна и отдыха. Нет, Мирка, не выходи замуж.

Ответить Мирка не успела, потому что к столу подошли пан Богачек, а следом за ним и Баудыш. Кроме спущенного галстука, никаких следов насилия у доктора я не заметил. Управляющий Богачек устроился возле супруги, одной рукой нежно погладил ей колено, другой разлил вино по рюмкам и поклялся, что больше не отойдет от своей Ганички ни на шаг, а задержал его дежурный, которому потребовались какие-то отчеты.

Я тем временем наклонился к Баудышу и сообщил ему, что Алиса ушла к себе и в кафе больше не вернется.

Он рассеянно кивнул, поблагодарил и завертел головой, отыскивая официанта. Заплатив за две бутылки, он извинился, что вынужден так рано покинуть нашу милую компанию, и отправился восвояси. Только после его ухода я сообразил, что забыл передать ему, чтобы он негромко и троекратно постучался. Но особо расстраиваться не стал, решив, что Баудыш как-нибудь договорится с Алисой и без этих конспиративных штучек.

Не договорился. Примерно через час мы обнаружили его в коридоре перед нашим общим номером. Он прохаживался туда-сюда и взволнованно курил. Едва заметив нас, поспешил навстречу с нескрываемой радостью.

— Слава Богу, друзья, а я уже думал, что мне придется спускаться за вами в кафе.

— Что случилось, доктор? — сдержанно спросил я, опасаясь, как бы и нам не попасть в передрыгу из-за его супружеских неприятностей. Дело в том, что едва он покинул кафе, как у нашего столика появился официант, передав, что дежурный очень извиняется и просит пана управляющего снова явиться к нему. Дело очень важное и безотлагательное. Богачек сперва украдкой взглянул на пани Гану, а потом принял непреклонный вид и заявил, пускай, мол, старина Гермох идет куда подалее и не дергает своего шефа из-за всякой глупости. Его супруга раздраженно произнесла:

— Вот идиот! За что ему только деньги платят?

На этот вопрос официант ничего не ответил, только многозначительно пожал плечами, а Богачек дал ему задание принести еще бутылку и передать дежурному, что управляющего не нашел. Официант обернулся мигом и, открывая «бикавер», сообщил, что, в общем, согласен с мнением уважаемой пани насчет дежурного, такого недотепу надо поискать, но все же осмелится посоветовать пану управляющему заглянуть хотя бы на минуту в вестибюль, потому что какой-то гость угрожает подать жалобу на руководство отеля.

Пан Богачек с молчаливого согласия супруги покинул свое кресло. Через пару минут он вернулся.

— Что случилось? — скорее с раздражением, чем с любопытством, спросила Гана.

Богачек махнул рукой:

— Представьте себе, там жена и зять вашего соседа. Пришли устроить ему скандал. Вернее, приехали. А теперь не могут завести машину. Требовали от дежурного, чтобы обеспечил им автомеханика. Посреди ночи! Он им спокойно объяснил, что это немыслимо, тогда они решили переночевать. Представляете такую наивность? Ну и тут мужчина начал грозиться: мол, если они немедленно не будут устроены, он заявит куда следует, что мы заносим фальшивые записи в книгу регистрации гостей. Потому что он, дескать, точно знает, что его женатый свояк поселился вместе с какой-то девицей. Так что, пан Кабеш, имейте в виду, конечно, только для проформы: с доктором Баудышом живете вы. Лучше всего, если дамы тоже договорятся. Барышня Мирка, вы не против?

Мирка кивнула, а меня разобрала злость. В первую очередь на Баудыша. Какого черта от такой милой жены лезть на тузексовку! А потом я разозлился и на Мирку. За то, что затащила меня в это общество, проникнутое духом снобизма и, честно говоря, довольно скучное. А в конце концов я обругал и самого себя. За то, что позволил доктору заплатить за обед, а значит, был у него

в какой-то мере в долгу и вынужден прикрывать его связи с Алисой.

— Надеюсь, пан зять не собирается подглядывать в замочную скважину, кто с кем находится в комнате. И не приставит к балкону лестницу, чтобы проверить, кто с кем лежит в постели, — заметил я.

— Для верности опустите шторы и никому не открывайте, — засмеялась Гана. — Обманутые жены могут быть опасны... А как ты все же от них избавился, Карел?

— Посоветовал устроиться в автомобиле и даже предложил на ночь одеяла. Пообещал, что рано утром вызовем автосервис. Ну и сказал, что к их услугам все остальные службы нашего заведения. Например, кафе, где они могут сидеть до трех утра.

Услугами кафе они не воспользовались. Во всяком случае до часа с четвертью, когда мы расплатились и вместе с Богачковыми направились к лифту. Наверх мы поехали вдвоем с Миркой, пан управляющий пожелал еще заглянуть в канцелярию, а его супруга — на кухню.

— Вот еще не было печали! — сказал я Мирке, едва нажав на кнопку с цифрой «1».

— Не расстраивайся, — успокаивающе произнесла она, — прямо с утра договоримся с барышней Гайской...

— Да разве дело в Баудыше и его куколке? — прервал я ее.

— Просто я иначе представляю себе отпуск, понимаешь?

Она грустно кивнула. Лифт уже давно стоял.

— Пошли? — тихо спросила она.

— Пошли! — согласился я. — Но если родичи Баудыша устроили засаду у номера, торжественно провозглашаю, что ручаться за себя не могу.

Власти с Петром в засаде не оказалось. Зато был доктор.

В следующую минуту мы узнали, что он никак не может попасть в номер. Мирка вынула из сумочки ключ и отперла наши апартаменты. Едва ступив на порог нашей общей прихожей, Баудыш поклонился, пожелал нам доброй ночи и двинулся направо. Сквозь отворенную дверь я услышал слабый шум текущей воды. О господи, вот почему она не открывала! Сидит в ванне...

— Пойду испорчу еще одну сигарету, — сообщил я Мирке и вышел на балкон. Закурил и загляделся на пруд. Он простирался за слабо освещенным пляжем, широкий, тихий, и по его спокойной чернильной глади плыл крупный серп растущего месяца — картина идиллическая, успокаивающая. Я поглядел назад, в спальню. Мирка как раз снимала платье. Она перебросила его через спинку кровати, а потом села в кресло и стянула чулки. Когда же она освободилась от комбинации и расстегнула бюстгальтер, в комнату вдруг ворвался доктор Баудыш. Я видел, как он отчаянно жестикулирует и как у Мирки вдруг опускаются руки, которыми она инстинктивно прикрыла грудь.

Я мигом очутился рядом с нею.

— Что там у вас стряслось, пан доктор? Даже забыли поступаться...

— Алиса...— выдавил он, в глазах у него смешались ужас и удивление.— В ванне... Надо срочно вызвать врача...

— Врача? — повторил я и почувствовал, как у меня сдавило желудок.

— Алиса мертва... — глухо произнес Баудыш.

Я выскочил в прихожую и заглянул в ванную. Небольшое, почти до самого потолка выложенное кафелем помещение с умывальником, высоким настенным зеркалом и ванной казалось пустым. На вешалке висели снежно-белый купальный халат и мохнатое полотенце, на серо-белом плиточном полу лежал темно-красный синтетический коврик, а на нем — кокетливые тапочки, промокшие насквозь, потому что через край ванны переливалась вода. Она струилась вдоль боковой стены и уходила в сточное отверстие посреди ванной комнаты.

Алиса лежала в ванне. Голова со спутанными каштановыми волосами и закрытыми глазами, туловище, руки и узкие ступни — все это было под водой, на поверхности торчали только колени согнутых ног, острые, задубевшие, похожие на два забытых Богом, полных отчаяния и безнадежности островка.

Я осторожно приблизился к ванне, прикоснулся к одному колену — оно было холодное, почти ледяное, такое же, как и вода, в которой покоилось неподвижное тело. Машинально потянулся повыше, чтобы остановить воду, но кран с красной пометкой на фаянсовой головке был закрыт до отказа. Открыт был второй, с синей пометкой. Я покрутил его, и вода остановилась. Потом я повернулся к дверям. Доктор Баудыш стоял, прислонясь к косяку. Он был явно в полуобморочном состоянии. Мирки не было видно, наверное, она осталась в нашей комнате.

Я вышел в прихожую и заглянул в ту часть апартаментов, которую занимал доктор. Размерами и меблировкой она полностью походила на соседнюю. На постели у окна лежали вечернее платье Алисы и беспорядочно разбросанное белье; казалось, она так торопилась в ванну, что срывала его с себя и швыряла, как попало. На ночном столике я увидел черный завитой парик, на одном из кресел у письменного стола — сумочку, а на самом столе — полупустую пачку «Старт», элегантную газовую зажигалку и патентованную авторучку. В замке торчал ключ. Окно на балкон и балконные двери были открыты. Влажный летний ветерок легонько шевелил кремовую штору. Убийца проник в ванную либо через балкон, либо через нашу с Миркой комнату.

— Никому ничего не трогать, ни к чему не прикасаться, — сказал я наконец. — Спуститесь к дежурному. Пускай звонит в отделение ОБ¹. И еще — пусть вызовет управляющего. Ему, наверно, придется закрыть отель.

Доктор механически кивнул и деревянной походкой прошествовал из комнаты. Я взглянул на Мирку. Она сидела на самом краешке постели, напряженно выпрямившись и прижав ладони к бедрам.

— Нам с тобой везет, — заметил я, когда она подняла на меня

¹ ОБ — общественная безопасность.

перепуганный взгляд. И, так как она молчала, пояснил: — Я имею в виду — на убийства...

А про себя закончил: «На убийства проституток».

8

Баудыш вернулся вместе с Богачеком примерно минут через десять.

— Ужас... — с трудом выговорил управляющий, выходя из ванной. — Уж-жас...

— Выдали распоряжение закрыть отель?

— Мне приказали... из криминалки, никто не имеет права покинуть здание... — Он немного помолчал, потом добавил: — Те двое... Ну, вы знаете, о ком я... Они в кафе.

Я повернулся к Баудышу.

— Вы разговаривали со своей женой, доктор?

Он вздрогнул всем телом и стиснул подлокотники кресла так сильно, что даже пальцы побелели.

— С женой?.. Вы про Власту?..

— Разумеется. И с Петром. Вашим зятем. Они тут немного побушевали после вашего ухода из кафе. Пану управляющему пришлось их успокаивать.

— Пану управляющему?

— Вы ведь знали об их приезде, верно? — Я усилил напор на него потому, что пока еще не мог сообразить, то ли он действительно так потрясен смертью Алисы, что не способен привести свои мысли в порядок, то ли успел прикинуть все возможные последствия и валяет дурака, пытаясь заодно одурачить и меня.

Я склонился к первой версии.

— Да, я знаю, что они здесь, — признался он и испуганно спросил:

— Вы думаете?..

— Нет, я вообще ничего не думаю.

Хотя, конечно же, это было не так. Я думал о многих вещах. О записке, которую Алиса передала Мирке, о загадочном молчании Мирки, о разговоре, случайно подслушанном на пляже, а главное, о просьбе Алисы, чтобы ее любовник три раза негромко постучал в дверь. О просьбе, которую я не выполнил... Так нет ли в ее гибели и моей вины?

Из раздумья меня вывел неуверенный голос Богачека:

— Извините, уважаемые. Хотел бы попросить вас об одной любезности... Могу я рассчитывать, что вы удостоверите полиции правильность записи в книге гостей? Что вы тут... сами договорились между собой?.. Иначе у меня могут быть крупные неприятности.

— Мне бы ваши заботы, пан управляющий, — с горькой иронией ответил я, но, поглядев на его несчастное лицо, добавил: — Дежурный меня предупредил, что поселяет меня с паном Баудышом. Так что не волнуйтесь, вы тут ни при чем. Сделку с доктором мы заключили сами, по взаимному согласию.

— Вы полагаете, что их будут интересовать и такие... деликатные вещи? — ужаснулся Баудыш.

— Если судить по опыту — несомненно, — заявил я. — Кто с кем спит, кто живет по соседству — все это очень важно при расследовании убийства. Если не верите мне, спросите у барышни Мирки. Она, как и я, имеет опыт...

— Так вы... — почти выкрикнул Богачек.

— Да-да, — сухо сообщил я. — Однажды нам уже пришлось разбираться с одним убийством. Как свидетелям, разумеется. Кстати, тогда тоже была убита молодая женщина¹.

Мирка закрыла лицо руками и заплакала.

9

Любовник Алисы Гайской обнаружил ее мертвой около половины второго ночи, представители органов безопасности приехали в гостиницу примерно в половине третьего. Было их пятеро — двое в форме и трое в штатском. Они всей толпой ввалились в прихожую и ванную, но двое в штатском уже через пару минут появились в нашей комнате. Старшему я дал бы лет сорок, за стеклами квадратных очков в массивной черной оправе прятались умные, выразительные карие глаза. Он носил серый костюм и зеленую водолазку, причем, как видно, очень заботился об элегантности, так как торчавший из кармашка пиджака платочек и носки были того же цвета и даже оттенка, что и водолазка. Другой мужчина был на голову выше и лет на десять моложе. Особенно бросался в глаза его утиный нос, и, чтобы не казаться смешным, ему все время приходилось напускать на себя профессиональную суровость.

Старший из криминалистов сообщил, что его зовут Адам, он капитан, а его спутник — это поручик Сохор, затем потребовал, чтобы все, кто в отеле соприкасался с барышней Гайской, были в его распоряжении.

— Насколько мне известно, пан капитан, она поселилась здесь вчера до обеда, — произнес Богачек. Доктор Баудыш меланхолично подтвердил эту информацию.

— Верно, — вздохнул он. — Мы приехали около одиннадцати. На моей машине.

— Значит, никто, кроме доктора Баудыша, ее здесь не знал? — поинтересовался капитан.

— Я знал, — сказал я. — Вчера, как раз перед самым обедом, доктор нас с нею познакомил. — Помолчав, уточнил: — Меня и барышню Крамперову.

— Барышню Крамперову?

— Это я, — пояснила Мирка.

Капитан легонько кивнул ей, мне даже показалось, что он едва не сказал «очень рад», однако ограничился только кивком. Потом спросил:

— Раньше вы никогда не встречались?

Хотя он и задал этот вопрос наугад, просто для ориентировки, у меня вдруг защемило на душе: померещилось, что он все знает

¹ События, о которых упоминается здесь и далее, описаны в повести В. Шубрта «Конец королевы» («Смена» № 4, 1991).

и даже читал записку Алисы. Я стоял прямо напротив Миркиного кресла и ждал, что она скажет, но она уставилась куда-то в угол и упорно молчала. С трудом отведя от нее взгляд, я посмотрел в глаза капитану и медленно покачал головой.

— Вчера я видел ее впервые. Мы вместе обедали в ресторане, а вечером вместе сидели в кафе, кстати, там были еще пан управляющий и его супруга.

Управляющий с готовностью закивал головой.

— Они подсели к нашему столу. Барышня Гайска и пан доктор. Около девяти. А ушли около полуночи.

— Доктор Баудыш и барышня Гайска? — переспросил капитан.

— Нет, — вмешался я. — Барышня Гайска и я. Я проводил ее наверх. В коридоре попрощался с нею и вернулся в кафе.

— Почему именно вас она попросила проводить ее?

— Мы ушли прямо с танцплощадки. Пана доктора как раз не было в кафе, а мы с ней танцевали. Она сказала, что ей стало плохо, но на самом деле испугалась одной дамы.

Я виновато взглянул на Баудыша. Он все еще находился как бы в полуобморочном состоянии, но тут вздрогнул, поднатужился и решительно заявил:

— Очевидно... моей жены. Пожалуй, придется вам кое-что пояснить. Дело в том, что здесь сейчас моя жена и ее брат, мой зять. Понимаете, я уже подал заявление на развод... — Последнюю фразу он произнес мрачно и глухо. — Они приехали во второй половине дня. На машине зятя. Но встретились мы только около полуночи в кафе. Я как раз сидел у стойки бара вместе с барышней Крамперовой и...

— Минуточку, пан доктор, — прервал его старший из криминалистов, — ваша жена и зять все еще здесь? В отеле?

— Скорее всего они сейчас в кафе, — быстро вмешался управляющий и пояснил, как с ними познакомился. Ограничился, правда, только упоминанием об испортившемся автомобиле и тщетной попытке получить номер.

— Скажите, пожалуйста, как зовут вашего зятя, — обратился капитан к Баудышу.

— Петр Кавалир, — ответил доктор, вытирая ладонью мокрый от пота лоб и расстегивая воротничок рубашки.

— Милан, — обратился капитан к поручику Сохору, — будь добр, приведи их сюда. Пан управляющий пойдет с тобой.

— Да, конечно, с радостью, — торопливо закивал Богачек и в сопровождении верзилы-поручика покинул помещение. На пороге он чуть не столкнулся с еще одним полицейским, на этот раз в форме, и мужжиной с кожаной медицинской сумкой, который оказался врачом.

— Здравствуйте, доктор, — протянул ему руку капитан Адам. — Пошли прямо туда.

Доктор молча кивнул, капитан что-то шепнул полицейскому, а потом обратился к нам: мне, Баудышу и Мирке следовало быть все время под рукой и никуда не отлучаться из комнаты, а товарищ подпрапорщик, парень примерно моих лет, составит нам компанию.

Подпрапорщик занял пост, напустив на себя грозный вид, доктор Баудыш спрятал лицо в ладонях и скорее всего собирался с силами перед неизбежной встречей с родней, а Мирка совсем впала в апатию, окончательно потеряв интерес к происходящему. Я предложил ей сигарету, но она отказалась. Только прошептала: «Спасибо» — и посмотрела мне в глаза, но только на секунду, и тут же снова уставилась в пол. Я закурил и обратился к Баудышу:

— Значит, вы считаете, доктор, что Алиса утонула в результате несчастного случая? Может, у нее что-то было с сердцем?

Он взглянул на меня с такой тоской, с таким отчаянием, что мне захотелось дать самому себе по шее за этот вопрос, и я почти с облегчением и благодарностью услышал, как подпрапорщик прерывает наш разговор:

— Происшествие не обсуждать!

— Простите? Вы это нам? — посчитал я необходимым изобразить обиду.

— Я сказал: не обсуждать... — Он помолчал, подбирая подходящий юридический термин, но ничего более удачного не придумал, повел подбородком в ту сторону, куда направились врач с его начальником, откашлялся и закончил ледяным тоном: — ...это происшествие.

Тут в комнату вернулись поручик Сохор и управляющий Богачек, а вместе с ними Власта и Петр. Едва они появились, Баудыш молча встал с кресла, подошел к окну и уставился куда-то в темноту.

Петр Кавалир окинул взглядом комнату и с презрительным видом уперся взглядом в сгорбленную спину Баудыша. Пани Власта легким движением головы отклонила предложение сесть, которое сделал ей поручик, и прислонилась плечом к шкафу, Мирка пристроилась на краешке постели, Богачек остался стоять возле криминалиста, а я переместился в угол, откуда было очень удобно наблюдать за происходящим, и бросил взгляд на часы. Было ровно три. За окном светлело, ночь переходила в рассвет.

За спиной у поручика опять открылась дверь, и вошла Гана Богачкова. В отличие от всех остальных она успела переодеться, сменив короткое вечернее платье, в котором была в кафе, на светлые брюки и черный свитер.

— Так что же здесь происходит, Карел?

— Барышня Гайска умерла. Утонула в ванне, — проинформировал ее Богачек. И тут же добавил: — Только, пожалуйста, постарайся держать себя в руках.

— О господи! — выдохнула Гана и обхватила горло руками. — О господи... — повторила она, и у нее сильно задрожал подбородок.

— Садитесь, прошу вас, — предложил ей поручик и снова кивнул на кресло, но и на этот раз безрезультатно. Пани Богачкова крепко ухватилась за локоть своего мужа.

— Самоубийство? — спросила она, но никто ей не ответил.

С минуту стояла тишина. Душная, тягостная, мертвая тишина, исполненная напряжения и ожидания. Наконец из прихожей

послышались приглушенные голоса. Что-то неразборчивое. Мне вниз, в кафе.

Я предполагал, что первым пойдет исповедоваться доктор Баудыш, но капитан выбрал меня. Богачек проводил нас в свою резиденцию, вынул три коньячных рюмки и бутылку «Наполеона» и неприятным лакейским голосом, который вдруг прорезался у него после приезда следственной группы, предложил:

— Рюмочка не повредит, а, товарищ капитан?

— Нет, спасибо,— произнес тот с неожиданной строгостью.— Но, если можно, не возражал бы против кофе. Впрочем,— он окинул меня оценивающим взглядом и добавил:— Два кофе...

— К вашим услугам,— поклонился Богачек и направился к дверям, но коньяк при этом демонстративно оставил на столе.

Капитан вынул из кармашка пиджака блокнот и авторучку и небрежно задал мне первый вопрос:

— Откуда вы знаете доктора Баудыша?

— Мы познакомились здесь, в отеле. Вчера перед обедом.

— Только вчера перед обедом? — удивился капитан.— Но ведь вы поселились в одном номере.

— Не специально. Я просил два одиночных, он тоже. Но свободных не было, а приехали мы почти одновременно, так что общие апартаменты решили нашу проблему.

— Ага.— Капитан сделал пометку в блокноте.— Продолжайте, пожалуйста.

— Может, лучше вы будете спрашивать? Я не знаю, что вас интересует.

— Все,— усмехнулся он.— Меня интересует, что вы делали после приезда в отель. Где вчера были, с кем, о чем разговаривали, словом, все, что имеет отношение к Алисе Гайской. В деталях. Она умерла около полуночи, а вы провожали ее в номер примерно в 23.30.

— Верно,— согласился я.— Но тут же вернулся в кафе, это заняло минуты три, не больше.

— Кто это может подтвердить?

— Кто? — повторил я и вдруг понял, что из нашей застольной компании никто. Так получилось, что все куда-то отлучились. Мирка отправилась погулять на свежий воздух, Богачковы тоже исчезли, Баудыш вышел с зятем на террасу.— Пожалуй, только пани Баудышова. Правда, если она меня заметила. Когда я провожал Алису Гайску наверх, она сидела у конторки дежурного, а когда возвращался, она все еще оставалась там. Вскоре после этого к нашему столику подошел официант и сменил пепельницу. Ну, а потом уже появилась...— Я сделал паузу и сдержанно добавил: — ...моя невеста, барышня Крамперова.

— Когда?

— Точно не помню, но вскоре после меня. Примерно без четверти двенадцать.— Тут я сообразил, что заметно сократил период ее отсутствия в кафе, и после некоторого колебания уточнил:— А может, немного позднее. Но что до полуночи, это точно. Приблизительно в 0.10 появились Гана Богачкова и Петр Кавалир, в 0.15 — управляющий Богачек, и сразу же за ним — доктор Баудыш.

Капитан все мои признания записал, а потом подробно расспросил обо всем, что происходило за столом до того момента, когда мы с Богачковыми вышли из кафе, нашли Баудыша в коридоре, позволили ему пройти через нашу комнату на его половину, откуда он ворвался к нам и сообщил, что Алиса мертва.

— Сколько раз вы танцевали вечером с барышней Гайской? — спросил капитан.

— Два раза, — ответил я. — Во второй раз — только до половины танца. А потом она попросила, чтобы я проводил ее в номер.

— Из-за того, что увидела жену своего любовника?

— Она сказала, что ей плохо. Из-за духоты и табачного дыма.

— А в кафе действительно было душно и накурено?

— Нет. Дыма почти не было. Весь вечер дверь на террасу стояла открытая. А лучшего кондиционера не придумаешь.

— Ваша невеста видела, как вы ушли вместе с барышней Гайской?

— Нет. Но позже она сказала, что поняла, с кем я ушел.

— Когда позже?

— Сразу же, как вернулась с улицы. А когда мы с Алисой уходили, она сидела у стойки бара вместе с Баудышом.

— Значит, с Алисой?

— Да, с барышней Гайской.

— О чем вы говорили с вашей невестой, когда она вернулась с улицы?

— О барышне Гайской. Я сказал Мирке, что ей стало плохо и она попросила меня, чтобы я проводил ее наверх.

— А барышня Крамперова?

— Она меня немного подколола из-за этого.

— Вы ей сообщили о подслушанном на пляже разговоре?

— Нет, не сообщил.

— Почему?

— А зачем?

— Значит, ваша невеста... — Он упрямо продолжал так именовать Мирку, хотя я ляпнул не подумавши и уже начинал об этом жалеть. — Ваша невеста понятия не имела, что в кафе зашли жена Баудыша и ее брат?

— Вероятно, нет, — ответил я. — Когда пан Кавалир отвел доктора от стойки, она назвала его «каким-то мужчиной». О том, что это зять доктора, она узнала только от управляющего Богачека.

— После того как он вернулся от дежурного?

— Да. Но в то время Алиса Гайска была уже час как мертва.

— Откуда вы знаете? — накинулся он на меня, но я не дрогнул.

— От вас. Вы сказали, что смерть наступила около полуночи.

Он слегка усмехнулся.

— Ладно. Скажите-ка мне еще одну вещь: кто побывал в ванной до нашего прихода?

— Сначала доктор Баудыш, который обнаружил мертвую Алису. После него я и, наконец, управляющий отелем Богачек.

— Барышня Крамперова не заходила?

— Нет. Она осталась в восемнадцатом номере.
— Как попал в ванную Богачек?
— Я послал за ним Баудыша. Как управляющий, он должен был узнать, что случилось. А еще я предложил ему немедленно сообщить вам и закрыть отель.

Капитан Адам одобрительно кивнул и не замедлил спросить:

— Воду из ванны спустили вы или пан Баудыш?

— Я.

— Вспомните, какой кран вы крутили?

— Я брался за оба. Но открыт был только один — с синей меткой.

— Точно?

— Ручаюсь. Кстати, вода текла совсем чуть-чуть, стоило мне легонько повернуть кран — и она остановилась.

— Значит, все-таки холодная?

— Да. Второй кран был полностью закрыт. Мне сразу же пришло в голову, что это похоже не на несчастный случай, а на убийство, и убийца оставил так называемые следы. В холодной воде она бы, конечно, не стала купаться.

— Ну, — снисходительно улыбнулся капитан, — заключение логичное, но слишком поспешное, пан Кабеш. Гайска могла постепенно охлаждать воду, а потом ей стало дурно...

— Тогда отчего вы спросили, какой кран был открыт?

— Для точности, — ответил капитан и добавил: — Все, пан Кабеш, благодарю вас.

Я встал.

— Можно вернуться в свою комнату?

— Пока вынужден попросить, чтобы вы остались в кафе. Очень хотите спать?

— Да нет. Останусь в кафе, — заявил я и вышел из кабинета в коридор. Только здесь удалось перевести дух. Беглым огнем вопросов капитан совсем заморочил мне голову. Сразу видно, что он на этом деле собаку съел. И все-таки я не сказал ему то, что не хотел сказать. В конце концов речь шла о пустяке. Я, во всяком случае, верил, что скомканная бумажка, на которой Алиса написала несколько слов Мирке, никакого отношения к убийству в ванне не имеет.

11

Я вернулся в кафе и остановился у бара.

— Вам можно позавидовать, — обратился ко мне управляющий.

— Не стоит, — ответил я. — Мне приказано оставаться под рукой... Можно как-нибудь устроить стакан сока?

— Да, конечно, — сказал Богачек, а барменша поднялась, чтобы его мне приготовить. Старший из официантов, который обслуживал нас вечером и должен был подтвердить мое алиби без четверти двенадцать, наклонился ко мне и доверительно прошептал:

— Непонятно, чего они нас всех таскают. Ту девчонку навер-

няка пристукнула законная жена. Она же сидела у конторки, когда вы провожали покойницу наверх.

— А вы меня видели? — обрадовался я.

— Ну да, — сочувственно кивнул официант. — И дежурный тоже, так что вам бояться нечего, вы тут ни при чем. Зато она в этом деле завязала по уши, уж вы мне поверьте. Как только вы вернулись в кафе, она потребовала, чтобы Гермох соединил ее с той девчонкой по телефону. Но не дозвонилась и тут же исчезла, как сквозь землю провалилась. Гермох свидетель.

Я улыбнулся:

— Да, так называемый коронный.

Официант приложил палец к губам.

— Тс-с, тот парень за нами следит. — Он повел глазами в сторону подпрапорщика.

— Ну и пускай себе следит, — отозвался его младший коллега. — Мы не преступники, а свидетели.

Богачек огорченно вздохнул:

— Разгар сезона, а тут такой кошмар... Я считаю, что она просто поскользнулась в ванне, ударилась головой, потеряла сознание, глотнула пару раз и...

— ...аминь, — завершила барменша версию своего шефа и поставила передо мною запотевший стакан желтого апельсинового сока.

Я вынул кошелек, но управляющий махнул рукой:

— За счет заведения, доктор. Расходы на всю эту катавасию списываем как чрезвычайные.

Однако старший официант не согласился с теорией своего начальника. Он решительно завертел лысой головой и заявил:

— Если бы так! Только зря вы, пан управляющий, не верьте, никакого несчастного случая, это убийство на совести во-он той. — Он мотнул подбородком в сторону Власти Баудышовой. — Сами посудите, уважаемые, у нее же явный повод для убийства.

— Мотив, — поправил его младший коллега.

— Что в лоб, что по лбу, — возразил официант и продолжал: — Она приехала уговорить мужа вернуться к ней. Сразу же послала к нему братца, и, пока тот с ним ругался, она потихоньку пробралась наверх. А та как раз сидела в ванне. Оставалось только схватить ее за волосы и подержать под водой — трудно, что ли? Ну, — торжествуя заявил он, — что вы на это скажете?.. А потом захотели здесь поселиться, вроде бы удирать им нечем.

— А откуда она взяла ключ? — вмешался я. — Когда мы ее нашли, заперто было изнутри. А ключ от нашей половины апартаментов был в сумочке у моей невесты.

Официанту крыть было нечем.

— А вы не оставили случайно номер открытым? — попробовал он выкрутиться.

— Нет, — отверг я это предположение. — Я точно знаю, что запер дверь.

На помощь официанту пришел его коллега.

— А кто сказал, что она обязательно зашла через дверь? Может, по лестнице?

— Какой еще лестнице? — удивился я.

— Которую нашел Гермох, — снова заговорил старший официант. — Когда он пошел запирасть задний ход, чуть не упал из-за нее. Обычно она висит на стене за гаражами, а тут вдруг лежала у самого отеля. Кто-то оттащил ее метров на пятнадцать. Убийца мог спокойно залезть в девятнадцатый номер через балкон. А следы затереть уже не успел. Кто-то его спугнул, так что он лестницу бросил и убежал.

— Ерунда! — громогласно заявил управляющий, но тут же снизил голос до шепота. — Лезть по приставной лесенке в «девятнадцатку» через балкон — перестаньте, пан Рыхтера, не смешите. Тогда надо было поставить лесенку прямо перед главным подъездом, где полно света.

На этом наша беседа прервалась. В задних дверях появился капитан Адам.

— Пани Баудышова, прошу вас, — произнес он.

Власта Баудышова встала. Брат ободряюще пожал ей локоть, а старший официант триумфально прошептал:

— Вот видите!

Я взял стакан с соком и направился к столу, где сидели Мирка и Гана Богачкова.

— Вы тоже нашли убийцу? — усмехнулся я.

— Ты в самом деле думаешь, что ее кто-то убил? — спросила

Мирка.

— Увы.

— Увы «да» или увы «нет»? — уточнила пани Гана.

— Увы «да».

Мирка нервно поправила свои тициановские локоны.

— Бедняжка Алиса, — вздохнула она.

— Вы слышали последнюю информацию насчет лестницы?

Пану официанту Рыхтере втемяшилось в голову, что убийца залез на место преступления через балкон. Смех, правда?

Гана кивнула:

— Карел что-то говорил, но... Лезть в «девятнадцатку» по приставной лестнице очень рискованно, правда?

— Полностью с вами согласен, такую дурость не могу себе представить.

— Можешь, — вмешалась Мирка. — Только вспомни! Когда пан Богачек говорил нам о скандале насчет ночлега, — она незаметно кивнула в сторону Петра, — ты еще сказал, что он способен подглядывать в замочную скважину или приставить к балкону лестницу, чтобы проверить, кто с кем спит... А ты, Гана, помнишь?

Гана деланно усмехнулась:

— Верно, Мируш, помню. Я еще посоветовала вам опустить шторы.

— Ну, уважаемые дамы, от вас ничего не скроешь, — пошутил я.

— Вот и прекрасно, — заявила Гана. — Сообщите нам кое-что. Ведь вас уже почти час допрашивали.

— Мне известно только одно — барышня Гайска умерла около полуночи. Так что постарайтесь обе обзавестись алиби. Имейте

в виду, что в критический момент, как выражаются в протоколах, из нашей компании в кафе сидел только я.

Я ждал, как среагирует Мирка, но Гана опередила ее:

— Если речь обо мне, то — туалет и потом наша квартира на пятом этаже. Слабовато, правда? Свидетелей не имеется. Разве что дежурный Гермох видел, как я заходила в лифт и выходила оттуда. Однако, как нарочно, в самый критический момент. Следовательно, я становлюсь подозреваемой номер один.

Я пожал плечами и, не сводя глаз с Мирки, негромко заметил:

— У вас есть одно большое преимущество.

— Какое?

— До вчерашнего вечера вы не знали Алису Гайску.

Мирка продолжала молчать. Я положил ей под столом руку на колено и почувствовал, что она вся дрожит мелкой дрожью. Выходит, я уже обработал ее достаточно для того, чтобы она выложила капитану все, что знает про Алису, подумал я про себя и снова обратился к Гане:

— Так что у вас нет мотива для убийства.

— Спасибо, у меня прямо гора с плеч, — откликнулась она и подмигнула мне, как сообщнику. — В ответ на такую заботу скажу вам вот что. Хотя среди нас и есть две очень подозрительные особы — я имею в виду женщину и мужчину, которые не сумели завести свою машину, — я все-таки верю, что это был несчастный случай или самоубийство...

— Самоубийство? Ну что вы!..

— Что? А вы попробуйте поставить себя на ее место! За дверь подстерегает ревнивая жена, любовник куда-то запропастился, она чувствует себя обманутой, покинутой, впадает в депрессию... Кто угадает, что могло твориться в женской душе?.. А теперь хочу вам кое в чем признаться. Но на всякий случай дайте честное слово, что не выдадите меня легавым. Идет? — Она протянула узкую, изящную руку с длинными, тонкими пальцами. Я пожал ее. — Знаете, — в глазах у нее заиграли искорки, — смертельно ненавижу женщин в париках...

Я засмеялся. Однако Мирка не была расположена к шуткам.

— Фу, — передернулась она, — какой же ты циник, Гана!..

12

Допрос свидетелей продолжался до восьми утра. Предпоследней давала показания Мирка, а в завершение капитан вызвал доктора Баудыша.

Тем временем поручик Сохор со своей командой закончил работу в наших апартаментах и занялся дактилоскопией: взял отпечатки пальцев у Мирки, у меня, у доктора, еще у горничной, которая обычно работала на первом этаже и появилась в отеле ровно в шесть часов. В кафе вернулся последний допрошенный свидетель, и я отправился к капитану.

Он сидел в синем кресле, тер покрасневшие глаза, но, несмотря на это, выглядел вполне свежим. Я вежливо осведомился, не опустит ли он нас все-таки к себе в «восемнадцатку».

Капитан уклонился от прямого ответа.

— Ну и нервы у вас, приятель. Собираетесь спать в помещении, где всего пару часов назад убили человека.

— Убили? — поймал я его на слове и тут же почувствовал, что он не доволен своей оговоркой. Поправив очки, капитан произнес:

— Без улик делать выводы преждевременно.

— Не стану утверждать, что так уж тщательно осмотрел покойную, но никаких следов насилия на теле не заметил, это точно. — Я умолк и стал напряженно ожидать, что он скажет. Мне очень хотелось из него хоть что-то вытянуть, но, как видно, делиться информацией в ходе расследования он не любил.

— Давайте-ка сходим к управляющему. Может, найдет для вас свободный номер, — испытующе глядя на меня, проговорил капитан.

— Очень сомневаюсь, вчера тут было битком.

— То — вчера, а это — сегодня, кое-кто уже уехал с утра пораньше... Кстати, в одном вопросе вы с барышней Крамперовой расходитесь. Я бы сказал, коренным образом.

Я остановился и встревоженно уставился на него.

— Дело в том, что барышня Крамперова отрицает, будто вы жених и невеста.

Я с облегчением вздохнул.

— Ну, с точки зрения закона это не такое уж большое преступление... Жених — не жених, невеста — не невеста. Просто мне показалось глупым назвать ее близкой знакомой.

Капитан промолчал, а что при этом подумал, угадать было трудно.

Богачека мы нашли возле конторки.

— Восемнадцатый и девятнадцатый номера придется опечатать, — сообщил ему капитан. — Найдутся для пана Баудыша, барышни Крамперовой и для доктора свободные места? Да, еще и для пана Кавалира и пани Баудышовой. Необходимо, чтобы они здесь задержались.

Управляющий обратился к дежурному:

— Что там у нас освободилось?

— Из двойных номеров — сорок второй и тридцать пятый. И одиночный сто второй. Туда можно поставить раскладушку.

Капитан подал мне руку.

— Переселяйтесь, пожалуйста, поручик Сохор проводит вас в «восемнадцатку», чтобы вы могли взять свои вещи. А пока — всего доброго.

Я подождал, пока они с Богачеком удалятся, а потом решительно обратился к дежурному:

— Беру сто второй с раскладушкой. Запишите, пожалуйста: Кабеш и Крамперова.

— К вашим услугам, пан доктор, — поклонился дежурный и услужливо подал мне ключ. — Сейчас пошлю туда горничную. Потерпите немного, четверть часа — и все будет готово.

«Стодвойка» располагалась на четвертом этаже, с той же стороны, что и наши прежние апартаменты, но была наполовину меньше и без балкона, а ванную заменял душ, однако, как

с облегчением подумал я, стоять она мне будет раза в два дешевле.

Мы открыли чемоданы.

— Я все разложу сама,— сказала Мирка,— ты мне только будешь мешать.

— Ладно,— согласился я.— Пока приму душ.

Я как следует освежился и, вернувшись в комнату, словно ненароком бросил:

— Жаль, что здесь нет ванны, как внизу.

— Не говори мне про ванну,— чуть не заплакала Мирка.

— Не устраивай истерики, ты ведь даже не видела труп.

— Не видела.— Мирка захлопнула шкаф.— Но могу себе представить.— Если не забыл, что-то подобное я уже пережила.

— Ну, конечно, я не такой забывчивый. Но сейчас все по-другому. Почти как в сказке. Она лежала в ванне, как Снегурочка в хрустальном гробу.

— Прекрати,— всхлинула Мирка,— у меня и так нервы на пределе. Еще вчера я надеялась, что это будет самый чудесный отпуск в моей жизни, а теперь опасаюсь, что до конца дней своих не сумею даже улыбнуться.

— Да не расстраивайся так,— твердо заявил я.— Конечно, ты устала, разволновалась. Но ведь тебя все это мало касается. Алису Гайску ты почти не знала. Ну, перекинулись вы с нею парой слов в ресторане и кафе — вот и все. И, если не ошибаюсь, она тебе не слишком-то была по душе... А про что он тебя спрашивал? Я имею в виду капитана.

Она поглядела на меня, как приговоренная к смерти. Ее потухшие глаза наполнились тоской и болью.

— Толком и не поняла,— вздохнула она.— Разобрали с ним весь вчерашний вечер по косточкам. О чем говорили за столом, с кем я танцевала, с кем ходила к бару и так далее.

— А что касается тебя?

— Что — меня?

— Ну, уточнял он, где была ты? Конкретно около полуночи. Об этом он наверняка спрашивал всех. Меня тоже. А я один из всей нашей компании сидел в кафе.

— Я сказала ему, что отправилась в туалет.

— Тебя кто-нибудь видел?

— Кто?

— Ну, не знаю... Хотя бы уборщица.

— Я не заметила.

— А куда ты пошла из туалета?

— На улицу.

— Через главный выход?

— Ну, конечно. Как же еще?

— Ну, скажем, через кафе. На террасу, как Баудыш с Кавалиром. Или же вокруг гаража, где дежурный нашел лестницу.

— Нет, я прошла главным выходом.

— Прямо из туалета? Мимо конторки?

Она кивнула. Коротко и безразлично.

— В кафе уже не возвращалась?

— Нет.

Я сел на застеленную раскладушку и сказал:

— Вот что, ложись-ка и хорошенько выпись! Как следует подумай, что говоришь! Пойми, твои показания будут проверять, сравнивать с другими, и если ты не возьмешь себя в руки, то поставишь себя под подозрение.

Она решительно завертела головой.

— Нет? Так послушай. Вчера около полуночи ты сказала, что искала меня в кафе. А когда не нашла и поняла, что я ушел с Алисой, отправилась на свежий воздух. Из кафе. И вдруг у тебя новая версия: ты допила водку, ушла в туалет, а оттуда сразу на воздух. Меня ты вдруг вычеркнула...

— Да нет же! — горько вскрикнула Мирка. — Не придирайся к словам, Гонза. Я высматривала тебя раньше... ну, еще когда сидела у стойки бара. Видела, как вы танцевали, а потом вдруг вас не стало. Ни на площадке, ни за столом. Я подумала, что вы куда-то ушли вместе, и отправилась за вами следом.

Я вытянулся на раскладушке, облегченно вздохнул и закрыл глаза. Все это глупости, зря я так переживаю, к счастью, нет никаких оснований подозревать Мирку. Ну, приревновала — вот и все. Она же знала Алису как облупленную и поэтому, как только сообразила, что мы скрылись, помчалась нас искать. Вышла на улицу и заметила, что в «девятнадцатке» горит свет. Насчет Баудыша она знала, что он покинул кафе с каким-то мужчиной. Кто тогда мог быть наверху? Только Алиса и я.

Но тогда... На секунду я даже дышать перестал. У нее ведь лежал в сумочке ключ, она могла проверить свое подозрение. Отомокнуть «восемнадцатку», войти в прихожую, оттуда в ванную и...

Дальше рассуждать я не решился. Открыв глаза, поглядел на Мирку. Она сидела на краешке постели, локти на коленях, лицо в ладонях.

— А что ты делала на улице? — с трудом выговорил я.

— Ничего, — прошептала она. — Только прогулялась вдоль отеля к лесу и хотела через террасу вернуться в кафе.

— Хотела, но не вернулась. Почему? — Я встал с раскладушки, подошел к ней и взял за руку. — Да говори же, Мирка! Только правду. Слышишь? Правду!..

— Гонза, — она тяжело перевела дух, — а что ты хочешь от меня услышать?

— Правду, — повторил я. — Почему ты хотела вернуться в кафе через террасу, а вернулась главным входом? Почему так поздно? Я смотрел на часы, Мирка. Ты была во дворе почти полчаса. В туалете ты могла задержаться на минуту, не больше, прогулка у отеля отняла минуты три. А остальные двадцать пять минут? Что ты делала? Почему не пошла через террасу?

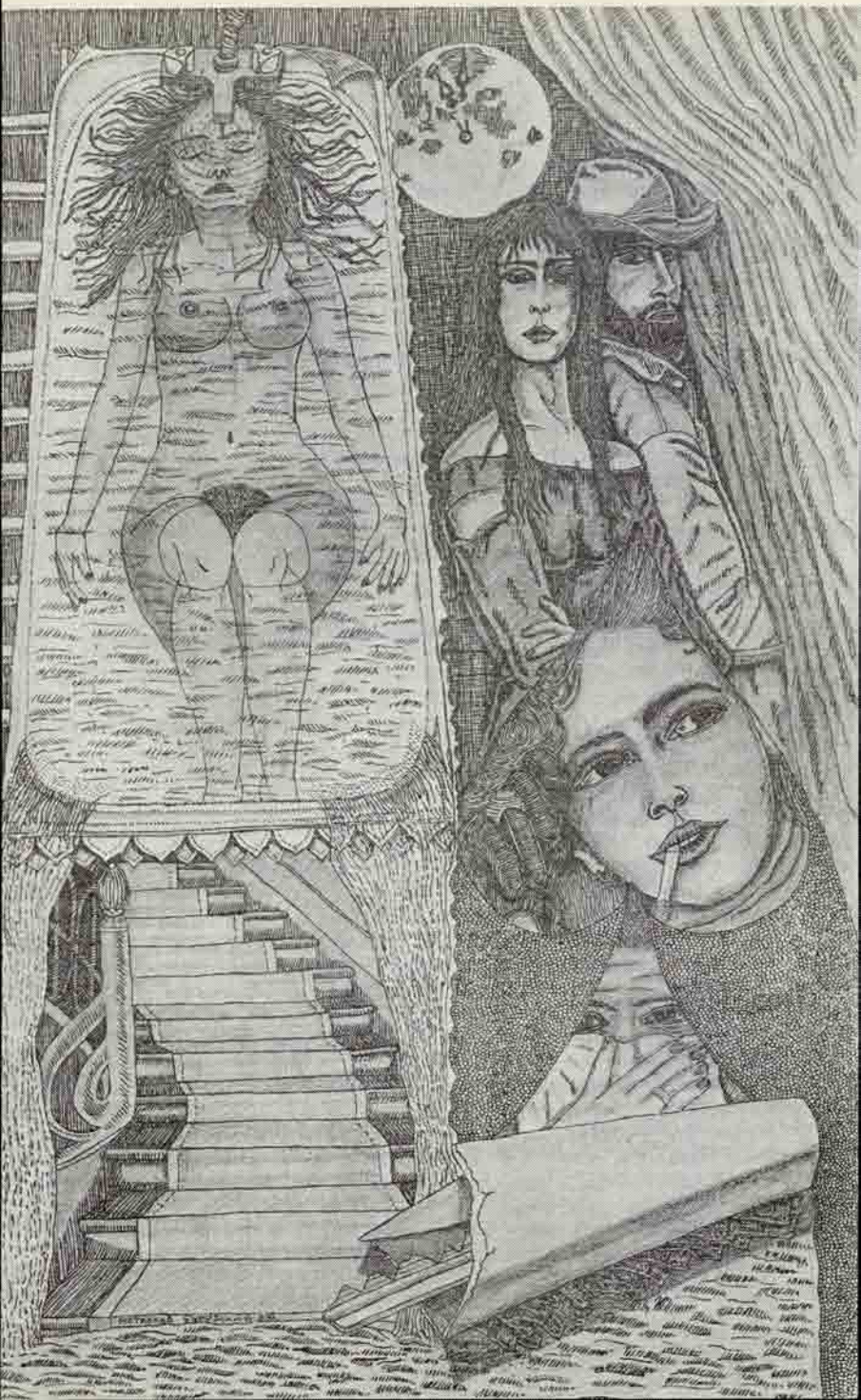
— Там были те двое, — прошептала Мирка. — Доктор Баудыш со своим зятем.

— Ясно. И что дальше?

— Они разговаривали. Я стояла у самой террасы и слышала каждое слово.

— Так орала друг на друга?

— Нет. Они отошли к самым перилам, подальше от кафе.

Я сначала решила, что Кавалир тоже любовник Алисы, потому что он требовал, чтобы доктор оставил ее в покое, а не то он ему набьет...

— ... морду.

— Да, именно так он и сказал.

— А Баудыш?

— Пускай, мол, занимается своими делами. Что все это его не касается, а он собирается жениться на Алисе. И женится.

— А тот назвал Баудыша дураком и сказал, что он сам не знает, куда лезет. И если уж ему приспичило опозорить семью, пусть хотя бы не женится... — Она громко проглотила слюну и еле слышно произнесла: — Я все тебе расскажу, Гонза, только обещай, что не будешь сердиться.

— Обещаю, — заверил я.

— Пусть хотя бы не женится на курве. Что он может дать о ней очень занимательные сведения.

— Какие сведения?

— Почти такие же, какие ты мог бы узнать обо мне.

Она опустила глаза и отвернулась. Мне было жаль ее, но загадка Алисиной смерти задела за живое, а ключ от нее мог оказаться у Мирки. Конечно, не тот ключ, который лежал у нее вчера в сумочке.

— И что дальше? — подбодрил я Мирку.

— Потом Баудыш ударил его.

— Баудыш? — удивился я.

Она кивнула.

— Да. Мне кажется, он первым полез в драку, но ему досталось крепко. Наконец он удрал вниз, к пруду.

— А ты? Он же удирал мимо тебя.

— Меня он даже не заметил. Он закрывал лицо носовым платком, наверное, у него пошла кровь. А я спряталась под лестницей. Он кинулся прямо к пруду, видимо, хотел умыться. Или же... Ну, не знаю, может, просто хотел намочить платок. И тут же вернулся обратно.

— А Петр Кавалир?

— Должно быть, остался на террасе.

— А ты? — Меня раздражало, что каждую фразу из нее приходилось клещами вытягивать. — Что сделала ты?

— Подождала, пока Баудыш пройдет мимо, потом осторожно обошла вокруг отеля и тоже зашла внутрь.

— В кафе?

Она завертела головой.

— Нет, не в кафе.

— Тогда куда?

— Наверх, в нашу комнату.

Я почувствовал, как кровь ударяет мне в голову.

— Зачем ты туда пошла?

— Я заметила, что наверху горит свет.

— Где наверху?

— В нашем номере. Не в нашей комнате, а у соседей и в ванной. И подумала... — Она умолкла, потом схватила мою руку и судорожно сжала ее. — Не сердись, Гонза, я подумала, что там,

наверху, ты с Алисой. Уже за обедом я поняла, что она тебе нравится... Я бегом поднялась по лестнице на первый этаж и открыла нашу комнату. Свет в соседней комнате уже не горел, но я почувствовала, что там кто-то есть. Дверь в прихожую была заперта, правда, замок — сам знаешь какой, как в туалетах. Стоит повернуть ручку и...

— ... дверь на задвижке. Понятно. И что ты сделала?

— Ничего. Мне пришло в голову, что я сую нос в чужие дела, что ты имеешь право пойти с кем тебе нравится, поэтому я постояла минутку и вернулась вниз. Даже представить себе не можешь, как я обрадовалась, когда увидела, что ты сидишь за столом. Ну, пожалуйста, не сердись... — тихо добавила она.

— Чего это я должен сердиться? Что ты так переживала из-за меня? Скажи только еще одну вещь: ты все это рассказала капитану?

— Нет, не все, — сокрушенно призналась она. — Я не сказала про драку на террасе.

— Это еще почему? — схватился я за голову.

— Я решила, что это их личное дело, — с несокрушимой женской логикой заявила она. — Раз уж Алиса встала между ними, пускай себе подерутся. Меня ни один из них не видел, так что все равно мое алиби не подтвердили бы. Зато друг другу они могли обеспечить полное алиби.

Про себя я перевел ее логику из разряда женской в аристотелевскую.

— А призналась капитану, что была наверху, в номере?

— Вообще-то да. Сказала, что зашла за платочком.

— Очень оригинально!.. А сказала, что кто-то запер дверь перед твоим носом?

Она виновато завертела головой.

— Значит, тоже нет, — мрачно констатировал я и про себя извинился перед греческим философом. — Прости, но я вынужден спросить тебя — почему?

— Ну, Гонза, представь себе мое положение. Я была вне себя. Когда пришла наверх, а там погас свет, я испугалась, что там вы с Алисой... Баба есть баба, чего ей только не померещится. Понимаешь?

— Стараюсь. Значит, за обедом тебе померещилось, а вечером у террасы ты узнала, что Алиса курва. Ты узнала об этом только там, у террасы?

Она ничего не ответила, только кивнула.

У меня уже не хватало сил рассуждать логично. Голова болела, точно с перепою. Я подошел к окну, открыл его и, чуть отодвинув штору, посмотрел на пруд, где уже бултыхались первые любители купания. С легкой печалью я подумал о том, что это мои последние каникулы. Через пару недель получу назначение, с осени на год уйду в армию, так что вместо каникул у меня будут только отпуска.

Я отвернулся от окна и обратился к Мирке:

— Надо поспать, а то у меня ум за разум заходит...

Я улегся на раскладушке и уткнул гудящую голову в подушку.

— Не сердись, Гонзичка, — прошептала Мирка и легонько коснулась моих волос.

— Постарайся как следует выспаться,— посоветовал я.

— Ты тоже,— ответила она и бесшумно скользнула в постель. Но тут же снова вскочила, подошла к двери и проверила, заперта ли она. Дверь была незаперта. Она повернула ключ и только после этого вернулась в постель.

13

Не проспав и четырех часов, я проснулся. Мирка спокойно и ровно дышала, зарывшись в одеяло, так что торчала только макушка с хохолком тициановских волос.

Я потихоньку встал и, стараясь не шуметь, надел джинсы и полосатую матросскую тельняшку. Потом вынул из пиджака кошелек, собираясь сходить вниз и заморить червячка, и нацарапал Мирке коротенькую записку: «Ушел перекусить. Как проснешься, приходи в столовую. Г.».

Листок я прислонил к пепельнице, чтобы он сразу бросился в глаза, захватил солнечные очки, блокнот с ручкой и спустился на террасу. Она была уже наполовину заполнена отдыхающими, устроившимися за столами под большими разноцветными зонтами.

Я сел поближе к лестнице, ведущей к пляжу, именно там, где, если верить Мирке, вчера около полуночи выясняли отношения любящие родственнички, и заказал официанту яйца по-русски и лимонад, однако такого плебейского напитка в «Покладе» не держали.

— Есть морс, сок или тоник,— сообщил официант.

Я выбрал морс. Смородиновый.

Прикончив яйцо и две булочки, я пришел к выводу, что неплохо бы теперь и поесть, но все же не стал ничего больше заказывать, напил морса и закурил сигарету. С минуту сидел в задумчивости, дымя и поглядывая на пляжную суету, потом полез в карман и для вдохновения достал из кошелька последнюю, по всей вероятности, записку покойной Алисы Гайской: «Мируш надеюсь ты не крыса я тоже тебя не выдам».

Еще раз внимательно изучив мятую бумажку, я взял ручку и записал имена всех участников и свидетелей вчерашней драмы и три рубрики: «Отношение к убитой», «Мотив» и «Где был в момент убийства». Потом провел несколько горизонтальных и вертикальных линий и стал постепенно заполнять получившуюся таблицу. Когда закончил, она выглядела так:

	Отношение к убитой	Мотив	Где был в момент убийства
Я	—	—	кафе
Мирка	в прошлом знакомы	беспричинные опасения, ревность	комната № 18 или же коридор, лестница
Богачек	—	—	кабинет или вестибюль
Богачкова	—	—	квартира на 5-м этаже
Будыш	любовник Алисы	открытие, что Алиса — проститутка	?
Кавалир	зять любовника Алисы	месть за обманутую сестру	?

Баудышова	жена любовника Алисы	ненависть к женщине, отбившей мужа	?
Алиса	×	×	ванная в номере на 1-м этаже

Однако это произведение не слишком меня удовлетворило: многовато в нем было неясностей. Собственно говоря, только первый столбик можно считать полным. И, пожалуй, второй, так как он непосредственно связан с первым. Там, где отношение к убитой неизвестно, трудно было угадать мотив убийства, а там, где мотив самый сильный, в третьем столбике стояли вопросительные знаки. Впрочем, все написанное в третьем столбике, кроме первой и последней строки, было только догадкой, хотя самые явные причины поддержать Алису под водой имели как раз те трое, у кого в третьем столбике пришлось поставить вопросительный знак. И все же — как бы они могли добраться до запершейся Алисы? Каким путем? Раз в «девятнадцатке» торчал изнутри ключ, оставалась только «восемнадцатка». Или приставная лестница — но это какая-то чепуха! Я бросил взгляд на фасад отеля. Если не ошибаюсь, расстояние между балконами не больше метра. Даже меньше. А что стоит крепкому мужчине перемахнуть, пусть даже над самой террасой, такое расстояние?.. Скажем, Петру Кавалиру? Еще вчера на пляже я разглядел, какой он рослый, атлетически сложенный. Времени, чтобы уточнить, где поместился Баудыш со своей любовницей, у него было достаточно. А когда около полуночи они не сумели решить дело полюбовно...

Приставная лестница? Чушь собачья! Головоломное, но вполне вероятное путешествие по балконам — вот ключ к тайне запертой комнаты, к разоблачению убийцы Алисы Гайской.

Я подозвал официанта и расплатился. На часах была половина четвертого. Как долго придется ждать, пока не наступит темнота? До десяти? До одиннадцати? Возможно, до полуночи. Но я все равно попытаюсь совершить путешествие по балконам.

14

Мирка сидела на постели и ревела. Она только что проснулась и встала, похоже, с левой ноги. По лицу текли крупные, как горошины, слезы, она вытирала их ладонью, но из глаз тут же катились новые и новые.

— Что с тобой? — испуганно спросил я.

Она коротко встряхнула рыжей головой и всхлипнула в ответ. Я сунул ей носовой платок.

— Вытри слезы и скажи, что случилось.

— Ничего, — выговорила она в перерыве между всхлипами, — ничего не случилось.

— Если ничего не случилось, нечего и реветь, — рассудительно заметил я.

— Ага, — согласилась она, сунула босые ноги в атласные шлепанцы и подошла к окну.

— Это ты здорово придумал — уйти и оставить дверь незапертой.

— Что такое? — воскликнул я.

— Я говорю, что ты здорово придумал — уйти и оставить дверь незапертой, — слово в слово повторила она и добавила: — Как это у тебя водится. Только в этом гадюшнике не столько грабят, сколько убивают. Например, топят.

— Мирка, — успокаивающе сказал я, — не сердись. Мне даже в голову не пришло, что... Словом, я полный идиот.

— Я вовсе не сержусь, Гонза, а просто боюсь, понимаешь?

— Боишься?

Мирка пожала плечами и, уже полностью взяв себя в руки, заявила:

— Конечно, я трусиха, Гонза, но все это выше моих сил. Не думай, что я так уж дрожу за свою шкуру, от судьбы не уйдешь, и все-таки... — Она помолчала, развела руками. — Алиса ведь была моя ровесница...

«И не только ровесница», — подумал я, но не пикнул в ответ ни слова, только подошел к Мирке, обнял и зашептал в самое ухо:

— Не бойся, милая, я с тобой...

— Повтори еще раз, — попросила она.

— Не бойся, я с тобой, — улыбнулся я.

— Нет, — запротестовала она. — Ты пропустил одно слово.

— Милая, — сказал я. — Повторить еще?

— Еще миллион раз. Но как в первый раз.

— Постараюсь, — снова улыбнулся я. — Одевайся и пойдём поедим, ладно?

— Ладно... Только у меня нет аппетита.

— Вот это да! Ты же ела... когда? Вчера в обед.

— Я сказала: нет аппетита, — уточнила она. — А голод... Немножко есть.

— Раз немножко есть, значит, все в порядке. Аппетит приходит во время еды.

Больше ничего сказать я не успел. Зазвонил телефон. Я оторвался от Мирки и поднял трубку:

— Слушаю.

— Богачек, — раздался голос управляющего. — Как дела, приятель?

Не зря он звонит, подумалось мне, и я вежливо ответил:

— Спасибо, пан управляющий, все нормально. Что новенького?

— Звонил пан капитан. Велел передать всем, кого ночью допрашивали, чтобы завтра к девяти утра были на месте.

— Значит, в воскресенье?

— Да, — подтвердил пан Богачек. — Безопасность работает так же, как и международные отели. И днем, и ночью, и в будни, и в праздники. Значит, пан доктор, вас и барышню Мирку вычеркиваю. Жену я предупредил, пани Баудышову и пана Кавалира тоже, насчет персонала побеспокоится дежурный, вот только доктора Баудыша никак не могу найти. В номере его нет, обедать не приходил, даже не знаю...

Я, разумеется, тоже не знал.

— Если все же увидите его,— продолжал Богачек,— будьте так добры передать, что встречаемся завтра в девять. Снова в кафе.

— Обязательно.

— Тысяча благодарностей,— произнес управляющий,— у дежурного я оставил ему записку, так как уезжаю в Прагу.

— В Прагу? — удивился я.

— Небольшая деловая встреча в отеле «Ялта»,— пояснил он, и мы дружески попрощались.

Тем временем Мирка успела умыться и теперь подводила глаза.

— Завтра с утра мы обязаны явиться в распоряжение органов безопасности,— сообщил я.

— Мы с тобой? — испугалась она и резко повернулась ко мне, держа в одной руке крохотную щеточку, а в другой — коробку с гримом.

— Нет, вся компания, те же, что были вчера. Скорее всего придется подписать протоколы показаний.

— Совсем не так представляла себе наш отпуск,— вздохнула Мирка.— И чего это нам с тобой такая невезуха?

— Судьба,— произнес я в ответ.

15

Вместо обеда мы решили пойти в кафе. Голод у Мирки прошел, а аппетит так и не появился. Естественно, я повел ее на террасу. Меня как магнитом тянуло туда. Я нарочно устроился спиной к пруду, чтобы держать в поле зрения фасад отеля и балконы.

— Где именно спорили Баудыш с Кавалиром? — спросил я у Мирки.

Она повела взглядом вокруг, чтобы сориентироваться, и ответила:

— У ограды возле лестницы.

— Бедняга доктор,— пожалел я.— Крепко ему досталось. Долго он мылся у пруда?

— Максимум минуту, потом сразу же побежал обратно.

— Побежал?

— Ну... быстро пошел.

— А ты потом обошла вокруг отеля, правильно? — Я недоуменно закрутил головой.— Объясни, пожалуйста, зачем ты это сделала?

Она подняла брови и слегка скривила рот.

— Трудно объяснить... Ну, в общем, если бы меня Баудыш случайно заметил, чтобы не думал, будто я за ним шпионо.

Вполне приемлемое объяснение, мысленно улыбнулся я. А скорее всего она просто хотела убедиться, что я не лезу Алисе под юбку где-нибудь на задворках. Больше я не стал ничего спрашивать. Оставалось убедиться, что совершить путешествие по балконам возможно. Причем за те пять минут, пока Мирка не обошла отель и не увидела свет в «девятнадцатке». Я не сомневался, что сумею это сделать.

Мы допили кофе, я расплатился.

— Пойдем немного прогуляемся, ладно? — предложил я Мирке.

Она не возражала. Мы спустились по ступенькам вниз, к пляжу, и завернули за угол здания.

— Я хотел бы взглянуть на гаражи, — объяснил я выбор маршрута.

Гаражей было двенадцать, они вытянулись параллельно зданию отеля. Сразу же позади них начинался густой бор.

— Иди одна, — сказал я Мирке, — я тебя догоню.

Пробежав по бетонной площадке, я зашел за гаражи. Искать приставную лестницу пришлось недолго. Она висела на двух железных крюках у самого угла на задней стене, в ней было метра четыре, может, больше. Я попробовал ее поднять. Она казалась не слишком тяжелой, пожалуй, кто угодно мог бы без особого труда перенести ее к отелю. Но зачем? Скорее всего это просто была случайность, дурацкая выходка какого-то бездельника, который забрался сюда справить нужду, а потом, мучаясь от комплекса неполноценности, решил доказать себе, какой он все-таки молодец.

Мирка дожидалась меня по ту сторону гаражей. Я обнял ее за плечи, и мы двинулись дальше. Отель «Поклад» остался позади. От пруда доносились шум и гам, я слышал детский визг, крики и смех — обычное звуковое оформление жаркого летнего дня, проводимого у воды. Вчерашняя трагедия не очень-то напугала отдыхающих, разве что вызвала любопытство и приятный холодок ужаса даже в эту тридцатиградусную жару.

Мы свернули на лесную тропу и вдруг увидели знакомую фигуру. Мирка скала мне локоть.

— Видишь? — прошептала она.

— Вижу, — кивнул я. — Надо выполнить поручение Богачека.

Мы медленно шли навстречу друг другу. Я поздоровался, но, к моему удивлению, Баудыш мне не ответил. Посмотрел на нас, словно на пустое место, и побрел дальше. Я окликнул его:

— Пан доктор, управляющий Богачек просил меня...

Больше я ничего не успел сказать.

— Будьте любезны оставить меня в покое, — выпалил он мне в лицо.

— Но позвольте... — пробормотал я.

— Отстаньте от меня, идите своей дорогой!.. — Голос задрожал, но он сразу же овладел собой и с откровенной ненавистью произнес: — У меня есть знакомства, связи, и, что бы со мной ни случилось, вы еще обо мне услышите. Вы... — он на мгновение умолк и окончание фразы буквально выплюнул: — ... и ваша дама... — Потом повернулся и ринулся прочь.

— Ну дает! — только и сумел выговорить я, немного опомнившись. — Неужели он думает?..

— Перестань, — взволнованно прошептала Мирка. — Представь себя на его месте. Он сам не знает, что плетет...

Пожалуй, в ее словах была логика, но мне никак не хотелось с этим соглашаться. Больше того, мне казалось, что он слишком хорошо знает, что говорит.

Я обнял Мирку за талию и решил сказать ей что-нибудь, вроде того, что мне с ней хорошо, но нам опять помешали. На шоссе появилась зеленая «школа», которую вел Петр Кавалир, а рядом с ним, разумеется, сидела пани Баудышова. А потом случилось нечто совсем удивительное.

Черноволосый Петр поднял руку и дружески нам помахал. Более того, он сбавил скорость, чтобы мы это заметили.

Вот так номер, ничего не скажешь! Может, это в знак благодарности за то, что один из нас избавил его сестру от соперницы?

Нет, это переходило уже всякие границы...

16

Мы поужинали в столовой, а оттуда направились к террасе. У конторки к нам присоединилась Гана Богачкова.

— Я осталась сегодня соломенной вдовой, — сообщила она. — Карел уехал в Прагу.

— Знаю, — ответил я. — Он звонил нам утром. Ну, а как вы относитесь к завтрашней встрече?

— Я уверена, что из меня выжали все что можно. В эту историю я попала чисто случайно, так что от меня больше никакого толку не будет.

— Работы у них хватит, — заметил я. — Вот сравнят свидетельские показания, и окажется, что концы с концами не сойдутся. И вся потеха начнется сначала. Пока не найдут преступника, покоя нам не дадут. Ни одному из нас.

Я искоса взглянул на Мирку, именно ей в первую очередь предназначалось мое замечание, именно на нее оно должно было подействовать.

— Спасибо, я скоро приду, — пообещал я и открыл дверь лифта.

Гана подала мне руку.

— Желаю вам доброй ночи, и, ради Бога, не ищите убийцу. Не забывайте, что я заинтересована в доходах.

Я лукаво усмехнулся.

— На виселицу никого не собираюсь отправлять. Честное слово, с удовольствием поверил бы в несчастный случай, но, к сожалению, по натуре я авантюрист... Доброй ночи.

Мирка уже стояла в кабине лифта. Лицо ее было очень напряженным. Я кивнул ей, и она попыталась улыбнуться в ответ, но это не очень ей удалось. Вернее, совсем не удалось.

Я повернулся и направился к главному входу. В дверях чуть не столкнулся с мужчиной, который в одиночестве смаковал свое красненькое на террасе. Видимо, он тоже поселился в отеле, потому что свернул к лестнице и широким шагом двинулся наверх.

Я вернулся на террасу. Из кафе долетало приглушенное звучание трубы, выводящей первые ноты «Земляничной поляны». Я поднял голову и посмотрел на балконы. Везде было темно, во всем отеле светилось шесть или семь окон, да и те на верхних

этажах. И нигде ни души. У пруда тоже было пусто. Только желтый серп молодого месяца, чуть подросшего с прошлой ночи, покачиваясь, скользил по подернутой легкой рябью воде. Какая декорация, мелькнуло у меня в голове, как по заказу!

Я подошел к ограде, вскочил на нее и потянулся к балкону. Выступ у основания балкона не превышал двух-трех сантиметров. Кроме того, он не совмещался с оградой, спущенный с балкона отвес прошел бы сантиметрах в сорока от нее и опустился бы на дорожку, ведущую к пляжу.

Я молниеносно прикинул, как действовать. Можно было либо повиснуть и попытаться закинуть ноги наверх, либо, оттолкнувшись от опоры, зацепиться локтем и потом уже карабкаться. Вот дурак, чего ж это я заранее все толком не продумал? А ведь у меня на все про все пять минут. Максимум пять минут...

Я попробовал оттолкнуться — получилось удачно. Теперь вперед! Я перенес вес своего тела на правую руку, освободив левую, и вскоре уже висел на локтях. Потом потянулся кверху, но вдруг ударился головой обо что-то между бетонными столбиками балконной ограды. В ответ что-то коротко звякнуло, и я с замирающим сердцем повис в воздухе, ожидая, что же будет дальше. Но дальше ничего не было. Во всяком случае, за окнами балкона. Внизу подо мной — тоже. В кафе приятный баритон выпевал нехитрые слова всемирно известных «Зеленых полей». Я энергично подтянул правое колено, левой рукой ухватился за верхний край ограды балкона и наконец-таки забрался на балкон. Если кто-то стоит сейчас у окна и задумчиво любуется чарующей ночью, то его наверняка хватит кондрашка. И по крайней мере года на три персонал отеля «Поклад» лишится своих премиальных...

Я перевалился через ограду, как прыгун с шестом, и, низко пригнувшись, чуть ли не на четвереньках, бесшумно, как кот, пробежал по балкону. Потом тем же способом одолел и следующую ограду. Перепрыгнуть с одного балкона на другой мне уже не составило особого труда. Снова кошачья пробежка ниже уровня окон — и новый прыжок, уже под окно нашего вчерашнего номера.

Порядок! Можно было выпрямиться, отдышаться и посмотреть на часы. Хотя мне показалось, что головоломное путешествие продолжается целую вечность, на самом деле прошло всего четыре минуты.

Я удовлетворенно улыбнулся... И тут меня ослепил яркий луч света. Я зажмурился и инстинктивно закрыл лицо руками. Из ведущих на балкон дверей послышался спокойный и слегка насмешливый голос:

— Отличное достижение, пан доктор. Почти на минуту лучше, чем у поручика Сохора. Поздравляю.

В двух шагах от меня с фонариком в руке стоял капитан Адам.

— Проходите, надо побеседовать.

Он зашел в комнату, я последовал за ним.

— Я несколько не сомневался, что сегодня вечером вы займетесь этим делом. Мне пришло в голову, — капитан уселся и жестом предложил мне занять соседнее кресло, — что вы попытаетесь сломать себе кости, когда я получил сообщение, что вы после обеда осмотрели с террасы балконы и проверили лестницу за таражами. Послушайте, доктор, да ведь вы настоящий авантюрист!

— Может, вы и правы, но только насчет лестницы ошибаетесь, я ее не трогал.

— А откуда вы знаете, что ее кто-то трогал?

— От вас, — отрезал я. — Не сердитесь, пан капитан, не стану выдавать себя за гения, но и дураком себя не считаю.

— К сожалению, я только упомянул насчет лестницы, но не говорил, что ее кто-то трогал.

— Извините, о том, что ее трогали, сегодня утром мне рассказывал пан Рыхтера, старший официант. А узнал он об этом от дежурного администратора Гермоха.

— Кто-то хотел нас убедить, что преступник залез через балкон.

— Приблизительно без двадцати двенадцать ночи.

— Вы начинаете меня пугать. Кто, по-вашему?

— Ну, вы ведь уже уточнили, кто за двадцать минут до полуночи оставался на террасе.

— Я-то да, а откуда это известно вам?

— От Мирки. То есть... от барышни Крамперовой.

— За двадцать минут до полуночи на террасе оставались двое мужчин.

— Верно. Потом один из них получил по носу, ушел к пруду умываться и вернулся в отель. А второй... второй там остался.

— Ты посмотри, как много знает эта барышня Крамперова, — заметил капитан. — А вот мне такую ценную информацию она не сообщила.

— Ничего удивительного. Перед лицом органов безопасности у нее сдают нервы, и тогда она может даже сама себя оговорить.

— Замечательная женщина!

Я пожал плечами.

— Однажды она призналась, что читала про полицейских, которые избивали задержанных и силой домогались от них ложных показаний. Оказалось, что речь шла про детективы. Наверно, Хэммета или Чандлера. Словом, *hard-boiled school*¹.

Капитан весело улыбнулся. Как видно, детективы, даже всемирно известные, он всерьез не принимал.

¹ «Крутая школа» (англ.). Речь идет о разновидности детективного романа, родоначальниками которого были Д. Хэммет и Р. Чандлер. Произведения «крутой школы» отличаются реализмом, порой даже натурализмом в описании преступлений.

— А со мною вы поделитесь теми сведениями, которые барышня Крамперова доверила только вам?

— Трудно сказать. Она ведь не исповедовалась передо мною. Но, по ее словам, когда она поднялась наверх...

— ...за платочком...

— Ну, скажем, за платочком... Так вот, кто-то в соседней «девятнадцатке» был. В темноте. А она еще с улицы видела, что там горел свет.

— Интересно.— Капитан придавил окурочек в пепельнице. Я тоже.

— А потом она испугалась и удрала, так?

— Нет, не так. Она решила, что в «девятнадцатке» спрячемся мы с Алисой. И хотела в этом удостовериться.

— Однако все же отказалась от этого намерения и осталась в своей комнате... Вам не кажется, доктор, что здесь что-то не так?

— Нет, не кажется. Наоборот. Вчера она отрицала, что мы жених и невеста. Верно, мы не обручены. Просто я был вынужден как-то объяснить, почему мы поселились в одной комнате. Поймите, пан капитан, мы познакомились в экстремальной обстановке. С нынешним случаем это не имеет ничего общего, поэтому мне бы не хотелось об этом распространяться.

— Не распространяйтесь. Продолжайте.

— Да нечего больше продолжать.

— Нет, есть. Например, кого вы подозреваете?

— Нельзя исключить мужчину, который мог попасть туда без ключа.

— Вы преувеличиваете значение ключа. Его могли иметь многие люди. Дежурный, горничная, управляющий отелем. Загадка запертых дверей давно уже разгадана. По меньшей мере со времен мистера По.

Я видел его насквозь, он осторожно поджаривал меня, точно кусок говядины на вертеле. Но я пока что не собирался сдаваться.

— Я принимаю во внимание только один ключ. От «восемнадцатки», который был у Мирки. У меня нет оснований ей не доверять. Она сказала, что, когда около полуночи зашла в нашу комнату, кто-то был в соседней. Как он мог туда забраться? Только через балкон.

— Рассуждаете вы правильно, пан доктор, и даже очень логично, только вот опыта вам не хватает. Так называемая криминалистика, дорогой приятель,— это нескончаемый, кропотливый труд, нередко приходится, точно Золушке, перекопать целую кучу мусора, прежде чем повезет отыскать одно-единственное зернышко. А потом вдобавок окажется, что оно пустое. И весь труд насмарку. Как, скажем, вчерашняя возня с лестницей или ваше сегодняшнее турне по балконам. Беда в том, что пан Кавалир — давайте уж назовем второго мужчину с террасы его настоящим именем! — беда в том, что у него прямо-таки классическое алиби. Вот послушайте. Мы знаем, что Алиса Гайская умерла за минуту-две до полуночи. С половины двенадцатого, когда вы проводили ее из кафе, твердое алиби имеют четыре

заинтересованных свидетеля. Вы, доктор Баудыш, его жена и зять. Зато нет алиби у вашей невесты и у супругов Богачковых, но у них мы не видим мотива. Давайте проверим алиби. К примеру, ваше. То, что вы прошли с барышней Гайской наверх, а потом вернулись один в кафе, видели дежурный и пани Баудышова. Вы отсутствовали три, максимум четыре минуты. А потом сидели, не вставая, за столом, что подтверждают официанты, музыканты, барменша. За такой короткий срок вы никак не сумели бы подняться на первый этаж, подождать, пока Гайская разделется, снимет парик, наполнит ванну водой, сядет в нее, а потом неожиданно потянуть ее за ноги, поддержать пару минут под водой, открыть кран с холодной водой, чтобы инсценировать несчастный случай, вытереть руки, погасить свет в комнате номер 19, оставить в замке ключ и уйти через соседнюю комнату. Ценю ваши способности, пан доктор, но этого даже вы не успели бы сделать.

— Простите, но я не совсем понял насчет тягания за ноги.

— Это обычный способ убийства в ванне. Ничего оригинального. Масса удобств. Для убийцы, естественно. Вы застаете жертву врасплох, она не в состоянии защищаться, следов насилия на теле почти не остается, потому что потом можно схватить ее за волосы. Кстати, вырванные волосы мы в ванне все-таки нашли. Нашу версию подтверждают положение, в котором нашли Гайскую, и открытый кран холодной воды. Словом, вы должны признать, что это убийство мог совершить не каждый. Полное отсутствие на теле убитой следов насилия свидетельствует о неожиданности. А это прямо-таки диктует первое умозаключение. Убитая знала своего убийцу, к тому же настолько близко, что не постеснялась остаться в ванне. Так что вряд ли это был зять ее любовника, пан Кавалир. Впрочем, у него такое же твердое алиби, как и у вас. В половине двенадцатого он отыскивает своего родича у стойки бара, они вдвоем идут на террасу, где в сердечной, дружеской обстановке коротко обмениваются мнениями, потом он возвращается в кафе и примерно в 23.45 оказывается у конторки дежурного, где его должна ожидать сестра. Но ее нигде не видно, и он ждет ее там. Однако недолго. С пруда возвращается доктор Баудыш. Он хочет пройти мимо зятя, но зять не позволяет ему этого сделать. Они вместе идут в туалет. А теперь обратите внимание, пан Кабеш. Вскоре после того, как барышня Крамперова заходит в отель и отправляется, по ее словам, к себе в комнату за платочком, возле конторки появляется Власта Баудышова.

— Откуда? — Я не знал, что Петр Кавалир через кафе вернулся в вестибюль. А ведь это полностью перечеркивало мою версию относительно его путешествия по балконам, а значит, разгадка убийства Алисы Гайской теперь оборачивалась явственной угрозой для Мирки.

— Откуда? — Капитан Адам выдержал эффектную паузу и спокойно проговорил: — Из телефонной кабины, где она понапрасну ожидала, пока Гайская поднимет трубку. Дежурный безуспешно пытался соединить ее с «девятнадцаткой»... За эту услугу он получил десять крон, так что он запомнил эту даму.

Простим ему, что он не заметил, как она позднее через главный вход ушла с двумя мужчинами на террасу, где все трое продолжили разговор на высоких тонах, но уже без кулаков, почти до четверти первого. Этот «пикник» на террасе подтверждает, к примеру, один из официантов, у которого пан Кавалир пытался кушать сигареты. Но неудачно: тот посоветовал ему сходить к дежурному или в кафе.

— Верно, — подтвердил я. — Я видел, как он покупал их у бара.

— Прекрасно. Это еще раз свидетельствует о вашей наблюдательности.

— Так что алиби... — медленно проговорил я.

— ...не имеет только ваша невеста. Разумеется, из тех, кто находится под подозрением. Исключить ее никак не могу. Примерно с 23.45 до 23.55 она была вблизи от места преступления. Если хотите — убийства... Такое вот невезение, верно? Давайте заканчивать, доктор. Лестницу вы не переносили. Ладно. Тогда объясните мне, будьте так добры, цель ваших альпинистских упражнений. Зачем вы этим занялись?

— Хотел доказать, что это возможно.

— Себе?

— Простите, не понял...

— Вы хотели это доказать себе? Вам очень хотелось, чтобы это так и было... Ведь барышня Крамперова рассказала вам о таинственном посетителе соседнего номера, который еще находился там без двадцати двенадцать ночи, когда она пришла за платочком.

— И вы из-за этого дурацкого платочка считаете...

— Ничего я не считаю. Могу только предполагать. А надо доказать. С помощью фактов, пан Кабеш. Таких, к примеру, как отпечатки пальцев. Банально, не правда ли? На ванне есть отпечатки троих: доктора Баудыша, Алисы Гайской и Мирославы Крамперовой.

— А моих нет?

— Ваши — только на умывальнике.

— Но ведь это еще ничего не доказывает. В обед Мирка купалась, так что там и должны быть ее отпечатки.

— Но ведь никаких других там нет.

— Убийцы обычно работают в перчатках.

— Профессионалы, конечно. Или те, кто готовится к убийству заранее. А если это случается внезапно, после какого-то спора или скандала? В аффекте... Разумеется, лучшая улика — это своевременное и чистосердечное признание убийцы, кстати, любой суд принимает это как смягчающее вину обстоятельство. Напротив, отрицание вины, попытка направить следствие на ложный путь, свалить вину на не причастных к этому людей — все это отягчающие обстоятельства...

Я стиснул зубы — ничего другого мне и не оставалось. Держать язык за зубами и утешаться, что меня лично это не касается. Кроме записочки, которую Алиса написала Мирке, я не знал ровно ничего. Однако мне очень хотелось доказать невиновность Мирки. Между тем капитану, как видно, уже

хорошо известно о прошлом Алисы и Мирки. Выяснить это было нетрудно. Сведения об Алисе он получил от Петра и Власты, а там уже рукой подать и до Мирки.

Поэтому, уже только из упрямства, я произнес:

— Платочек — это понятно. Слишком простое алиби... Но все равно у вас нет мотива.

— Нет, — возразил капитан, — мотив есть. Поэтому не имеет значения алиби Богачковых, например, или других возможных преступников. Если взять Богачковых, то они познакомились с Алисой Гайской только вечером, а вот ваша невеста, — он сделал отчетливое ударение на этом слове, — ваша невеста, пан доктор, знала ее задолго до вчерашнего представления на балконе. Они были хорошо знакомы. Гайска и Крамперова. Вы этого не знали?

Мне оставалось только одно: прикидываться дураком.

— Знакомы?

— Вы, наверное, и сами не догадываетесь, что оказались для нас самым полезным сотрудником. Так вот, хочу вас убедить и дальше нам содействовать, поэтому кое-что вам покажу. Вообще-то не положено, но... Дело мы вот-вот закроем, так что посмотрите!

Он полез во внутренний карман и подал мне вчетверо сложенный листок бумаги. Записка.

— Содержание особой роли не играет. Посмотрите на почерк.

Почерк я узнал сразу. Типично женский, неуверенный, на первый взгляд точно такой же, каким были написаны несколько слов на подгоревшем клочке бумаги, лежавшем у меня в кошельке. Хотя в записке не было ни обращения, ни подписи, я прекрасно понял, кто писал и кому. В записке говорилось:

«Я попала сюда совершенно случайно, честное слово. С легавыми уже давно не имела дела, так что можешь не бояться. С мужичком, с которым я приехала, мы хотим пожениться, так что ты, пожалуйста, не суйся. А если бы ты решила меня все-таки заложить, мне пришлось бы в ответ капнуть про тебя твоему старику. Надеюсь, этого не случится».

Я взглянул на капитана.

— Узнаете почерк?

Я маминально кивнул. И тут же испугался, но было уже поздно.

— По-вашему, это написала Мирка Алисе?

Он ухмыльнулся.

— Именно так, только наоборот. Правда, записка не была отправлена по назначению. Мы нашли ее в парике убитой. На ночном столике. Перед тем как отправиться в ванную, навстречу смерти, она скорее всего спрятала ее и передать адресату уже не успела. Жаль. Пожалуй, если бы успела, осталась бы жить...

Он говорил все это отчетливо, с расстановкой, а мне тем временем кое-что вспомнилось. Поведение Баудыша после обеда. Видимо, он тоже, прочитав записку, рассудил именно так, как теперь должен был рассудить я. Поэтому и не ответил мне на приветствие, поэтому и угрожал связями и последствиями.

Пожав плечами, я вернул записку капитану.

— Это мог написать кто угодно кому угодно.

— Кому угодно — может быть, но кто угодно — нет. Подчерк полностью совпадает с подписью Гайской в ее паспорте.

Мне пришло в голову, что Алисе нравилось не только играть роль порядочной девушки, но и писать записочки, а кроме того, я обратил внимание на одну шероховатость, пусть незначительную. Но тонущий хватается за соломинку, а я все еще не мог поверить, что убийство совершила Мирка. Поэтому произнес угрюмо и дерзко:

— Стариком обычно называют мужа, а не жениха.

— Да нет же, просто партнера. Так же, как легавыми именуют всех сотрудников органов безопасности.

Да, он был совершенно прав. Мирка, прежде чем порвала с прошлым, выражалась именно так. И не она одна. К примеру, Гана Богачкова тоже. В последний раз сегодня вечером, когда мы обсуждали мотивы убийства и она в шутку сообщила свой мотив. Что, мол, ненавидит женщин в париках. «Но вы должны дать честное слово, что не выдадите меня легавым». Я отчетливо вспомнил, как она подала мне через стол руку, узкую, изящную, с длинными, тонкими пальцами.

Мои мысли прервал телефон. Капитан поднял трубку и произнес:

— Слушаю.

Я слушал тоже. Каждое слово.

— Крамперова возвращается в номер. С нею идет жена управляющего отелем Богачкова. Кабеш еще не вернулся.

276 Что ответил капитан, я уже не слышал. У меня в ушах вновь зазвучал голос Ганы: «Спасибо тебе за щедрость, Мируш, только ты не знаешь моего старика». И еще: «Погоди, Мируш, сама все поймешь». Мируш! Именно так ее называла когда-то Катаржина. Так писала Алиса...

Внезапно я понял все, абсолютно все. Гана на пятом этаже меняла чулки. Потому что они порвались. А они и в самом деле порвались?.. А может, были... мокрые?

— О господи, какой же я дурак!.. — пробормотал я, потому что в цепочке фактов нашла свое место и брошенная лестница. Я сам подал ей такую идею. Теперь, наконец, я понял и то, что прямо бросалось в глаза, но я, как слепой осел, не обратил на это никакого внимания. Миркин страх! Она боялась остаться в комнате одна среди бела дня. Но не побоялась пойти в номер, когда вечером я с Ганой задержался в кафе. Значит, боялась она именно Гану. Никакую не дальнюю родственницу, а, конечно же, знакомую тузексовку, точно такую же, какой была когда-то Мирка и какой до самой смерти оставалась Алиса. Свою вторую записку она писала не Мирке, а Гане, и слово «старик» означало не жених, любовник или партнер, а муж. Ревнивец Карел Богачек, который не должен был догадываться о прошлом своей жены.

Я стоял посреди комнаты, точно меднум, внезапно пробужденный во время транса, дрожал всем телом и тупо смотрел на капитана общественной безопасности Адама, который спокойно

вешал трубку и поворачивался ко мне. Он сразу заметил, что со мною неладно, и спросил:

— Что случилось? Вам плохо, пан доктор?

Я ничего не ответил, до меня только сейчас дошел смысл первых двух фраз невольно подслушанного телефонного разговора.

Крамперова возвращается в номер. С нею идет жена управляющего отелем Богачкова... Передо мною встала Мирка в кабине лифта, бледная и пришибленная, я вспомнил ее лицо, когда она попыталась улыбнуться, но вместо этого только скривила рот, вся бледная от ужаса.

В следующий миг я бросился к дверям, рывком открыл их и кинулся к лестнице. Я прыгал через три ступеньки... Второй этаж, третий, четвертый... Вот наконец коридор, еще двадцать, пятнадцать, десять шагов к сто второму номеру... Подбежав к дверям номера, я услышал изнутри сдавленный вскрик и глухой удар, похожий на падение тела.

Поздно!.. О господи, поздно!..

Я полез за ключом, но кто-то схватил меня за руку и четким, заученным приемом выкрутил ее за спину. Я даже не успел разозлиться, только припомнил главное правило самообороны: не противиться силе. Поэтому я поддался, а когда почувствовал, что соперник стоит прямо за мной, изо всех сил лягнул его. К счастью, мой каблук попал в слабое место, раздался болезненный вскрик, проклятие — и моя рука освободилась. Поворот ручки — и я встал на пороге.

У окна обнимались две женщины. Вернее, не обнимались, одна обхватила другую и старалась вывихнуть ее в распахнутое настежь окно. В три прыжка я очутился рядом с ними, но тут женщины разделились и одна из них бессильно упала к моим ногам. Я наклонился к ней. В комнате было темно, только сквозь окно проникал свет луны, но даже в крошечной тьме я бы узнал, чья голова лежит у меня в ладонях.

— Мирка! — выкрикнул я. — Мирушка!..

А потом на мою голову, прямо в темя, обрушился сокрушительный удар, в глазах засверкали искры, и я рухнул ничком на пол. Но, прежде чем почувствовал боль и навалился на неподвижное тело Мирки, успел на темно-синем, усыпанном звездами фоне неба разглядеть вскочившую на подоконник женскую фигуру, подхваченную сквозняком занавеску, а в ушах у меня зазвонел пронзительный крик.

Потом где-то вдали, высоко над моей головой раздался голос капитана:

— Эх ты! Что ж ты не помешал ей выскочить?

Я хотел что-то сказать, как-то оправдаться, но упрек предназначался не мне, а мужчине, который так безжалостно хватил меня по затылку.

— Не мог, товарищ капитан. Этот чертов парень сопротивлялся. Пришлось его сперва нокаутировать.

Мне удалось еще прошептать:

— Балда! Кто же нокаутирует сзади?..

И я отключился. Теперь уже надолго.

Показания я давал в среду, Мирка — в четверг. У нее сотрясение мозга оказалось тяжелее моего как раз на один день. Ей досталось пепельницей из литого стекла, а мне только кулаком.

Капитан Адам расстался с нами с такими словами:

— Ничего страшного, но пару дней в больнице со льдом на голове вы оба заслужили. Если бы ничего не скрывали уже при первом допросе, удалось бы этого избежать. А из ваших показаний ничего бы не понял даже сам мистер Марлоу¹.

Я пожал плечами, а Мирка сказала:

— Не хотелось вспоминать... — И торопливо спросила: — А что пан Богачек?

— Врачи определили, что он чокнулся. Но, когда выйдет из шока, скорее всего выздоровеет.

— А доктор Баудыш? — поинтересовался я.

— В воскресенье после обеда уехал в Прагу. С женой. В машине пана Кавалира. От всех троих мне поручено передать вам наилучшие пожелания. Что я и делаю.

— Спасибо, — ответил я. — А вы от моего имени передайте самые лучшие пожелания моему нокаутеру. Пускай выпьет за мое здоровье еще два стаканчика красного.

— Не обижайтесь, — заступился капитан. — Да и вы чуть ногу ему не сломали.

На прощание мы крепко пожали друг другу руки.

Выйдя из здания окружного управления ОБ, я сказал Мирке:

— Вещи на вокзале, «скорый» до Праги через час. Можем полюбоваться на местные достопримечательности.

— Люкс! — кивнула она.

Какое-то время я шел молча. Потом, скорее в шутку, чем всерьез, я спросил Мирку:

— Надеюсь, уж сегодня-то ты все сказала капитану, а?

Она ответила не сразу.

— Насчет Ганы — да. Что они с Алисой прямо-таки ненавидели друг друга и что Гане из-за нее пришлось удирать из Праги, а я не успела ее предупредить. В пятницу после обеда я встретила ее мужа. Мы договорились вместе провести вечер в кафе, пока ты купался в пруду. Но... прежде чем я успела переговорить с Ганой наедине и сказать, кто живет в отеле, как нарочно, появилась Алиса, а потом уже Баудыш нашел ее в ванне убитой. Меня сбили с толку его родичи. И Гана тоже. Она всегда была хитрая. Когда ты давал показания в субботу, она сказала: «То, что Алиса так кончила, меня не радует, я не садистка, но ты не можешь себе представить, какой камень упал у меня с сердца...» Блестящий ход! Но я все равно чувствовала, что все это на ее совести. А Гана словно читала мои мысли. Все время старалась крутиться около меня. Когда в субботу ты остался внизу, а мы вдвоем поехали на лифте, я поняла, что она пыгается от меня избавиться... Она пригласила меня к себе в квартиру. Я пошла, не побоялась, потому что там она меня не тронула бы: ей надо

¹ Частный детектив, герой романов Р. Чандлера.

было все устроить как самоубийство... А потом она сказала, что проводит меня, мол, сгорает от любопытства, что ты разузнал нового. Сначала она к нам позвонила из соседней комнаты, я слышала, как она набирает номер. Мы спустились на этаж ниже — и тут у меня сдали нервы. Едва открыв дверь, я выпалила ей прямо в глаза, мол, зачем она убила Алису. А вместо ответа она саданула меня пепельницей...

— Бр-р,— вздрогнул я.— Если бы капитану не позвонили, а у меня в голове не прояснилось, она вышла бы сухой из воды. Угробила бы двоих — и взятки гладки. Понимаешь? С таким актерским талантом она бы и смываться не стала. Наоборот. Изобразила бы такую растерянность! И сумела бы все перевернуть. Мол, она, то есть ты, призналась мне во всем и выпрыгнула из окна...

Мирка только горько усмехнулась в ответ.

— А как насчет Алисы? Ведь ты придерживаешься правила: о мертвых только хорошее.

— Видишь ли, — поколебавшись, сказала Мирка, — я и правда не люблю сплетен. Точно мне ничего не известно, а выдумывать всякую всячину...

— Какую, например?

— Ну... Закладывала других девчат, а сама на этом зарабатывала. Была готова на все. Прикидывалась невинной овечкой, а сама была хуже самой последней твари. Злая и лживая, как кошка... Но теперь это все позади, да к тому же многое, возможно, преувеличено, не так понято... Словом, я на нее не в обиде. Если хочешь знать, благодаря тебе.

Я обнял ее за плечи и, вспомнив недописанную и наверняка последнюю записку Алисы, подумал, что все-таки большая доля правды в тех сплетнях была.

— И больше не говори мне о ней, — еле слышно проговорила Мирка. — У меня теперь другие заботы.

— Интересно какие?

— С понедельника до воскресенья я на больничном. А у тебя еще целая неделя отпуска. Так что... если хочешь... я могу взять отгул...

**Перевод с чешского
БОРИСА КОСЕНКОВА.**